

Рассказы Стрелка прочитают в Гааге

понедельник среда **пятница**

НОВАЯ газета

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

№ 49 (2487) 27.05.2016 г.

Доклад депутата Сейма Польши о военных преступлениях в Донбассе принят к рассмотрению Международным судом

СТРАНИЦА 4

Ненависть — это болезнь, которую можно лечить рок-н-роллом

Музыканты очень разных политических взглядов играли на одной сцене, чтобы помочь детям

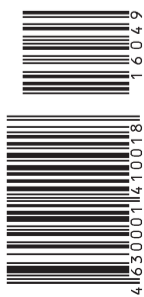
СТРАНИЦЫ 2-3

Нет, интернет не убивает наших детей

Политическую спекуляцию на «горячей» теме детских суицидов не поддержали даже единомышленники сенатора Мизулиной. А в московской школе учителя и родители старшеклассников вместе искали границу между личной тайной и безопасностью

СТРАНИЦЫ 6-7

Боги болот никого не отпустят

В глубине сибирской тайги разворачивается война между двумя цивилизациями. Льется кровь. В ход идут хитрость, большие деньги. Корреспонденты «Новой» прожили неделю на передовой и увидели, в каких муках рождается энергетическая сверхдержава

СТРАНИЦЫ 9-16

Специальный репортаж Елены КОСТЮЧЕНКО. Фото Юрия КОЗЫРЕВА

После «Шпионского моста»

Обмен Александрова, Ерофеева
и Савченко как начало долгого пути к миру

Кирилл
МАРТЫНОВ
«Новая»

Александров, Ерофеев и Савченко вернулись на родину — и это хорошая новость. Плохая новость состоит в том, что в тюрьмах по обе стороны границы, а также на территории «ДНР/ЛНР» остаются сотни граждан России и Украины, которые подлежат обмену. К их судьбе не удалось привлечь такого публичного внимания, как к Савченко (к слову, критика адвокатов Савченко, которым многие советовали вести себя тише и добиться для подзащитной спокойной «десяточки» в российской тюрьме, как-то вдруг поухлила). Мы не увидим других пленных и осужденных в этом современном аналоге «Шпионского моста» Спилберга, который, увы, разворачивается теперь отнюдь не между двумя сверхдержавами во время холодной войны. Аналогия с историей, экранизированной Голливудом, не только в числе взаимно выданных «шпионов», но и в том, что Ерофеева и Александрова «не обняли» на мосту — никто, кроме, разумеется, жен.

В то же время Савченко вернулась на Украину не просто как национальный герой, но как фактический лидер нации. Об этом говорит и встреча, организованная ей на высшем уровне, и ее поведение — например, она отказалась принимать поздравления от Юлии Тимошенко, но произнесла речь, обращенную к «матерям всех погибших украинцев». Во вторник Савченко должна появиться в Раде в качестве депутата — с этого дня начнется ее реальная политическая карьера, что обещает изменить баланс сил в Киеве.

Официальные лица в России предпочитают не называть случившееся обменом — просто трое осужденных лиц были синхронно перемещены через границу. Но факт остается фактом: в двух очень некрасивых историях были поставлены точки. Теперь прямая инициатива первых лиц государств, в первую очередь России и Украины, должна стать сигналом для запуска полноценного процесса возвращения пленных домой, по модели «всех на всех». Наряду с сенсационной новостью о возможном введении на территорию «ДНР/ЛНР» международного полицейского корпуса под эгидой ОБСЕ это стало бы реальным шагом к концу войны.

Не к перемирию, а именно к окончанию обстрелов, провокаций, началу восстановления Донецка и Луганска как мирных, не прифронтовых горо-

дов. Президент Украины Порошенко, у которого для подобных высказываний есть вполне понятная внутривнутриполитическая мотивация, заявил о том, что за возвращением Савченко последует возвращение Донбасса и Крыма. На это молниеносно отреагировал пресс-секретарь президента России Дмитрий Песков, сотворивший еще одну сенсацию — Россия не будет возражать против возвращения Донбасса в состав Украины «из соображений гуманности». Хотя Крым, конечно, по-прежнему наш, история военного конфликта на Украине сейчас как никогда близка к своему завершению. В конце концов, любой «шпионский мост» рано или поздно должен заканчиваться падением Берлинской стены.

В обсуждение горячей темы вклинилась еще одна сторона. Татьяна Москалькова, новый омбудсмен России, о карьере которой «Новая» уже рассказывала, заметила, что украинская сторона не спешит вывозить из крымских колоний своих граждан, осужденных в «украинские времена». И предложила их поскорее забрать — дескать, Россия

« Россия не будет возражать против возвращения Донбасса в состав Украины »

не хочет платить за чужих преступников. При этом граждане, осужденные в Крыму уже в «российскую эпоху», по мысли Москальковой, в эту категорию не попадают — тем самым, например, Олега Сенцова и Александра Кольченко отправлять на родину оснований нет. Таковы результаты неожиданного синтеза экономической прагматики и геополитической корректности, совершенного Москальковой. Хотя у омбудсмена, как раньше казалось, должны быть вообще несколько иные приоритеты и защищать он должен отнюдь не государственный бюджет или политическую линию.

Из Киева Москальковой ответила ее коллега Валерия Лутковская, украинский омбудсмен. По ее словам, процесс вывоза заключенных в «материковую Украину» тормозится российской стороной. Это может быть связано с тем, что во всех украинских документах Крым считается временно оккупированной территорией, так что российские чиновники отказываются их согласовывать.

Впервые за много лет на одной сцене стояли музыканты, которых политика развела по разные стороны баррикад. Фестиваль в помощь детям-инвалидам стал одновременно фестивалем против ненависти, за гражданское примирение

Юрий ШЕВЧУК:

«Может Россия и

Юрий Шевчук

На сцене клуба Stadium Live седых в этот вечер было больше, чем брюнетов и блондинов, раз в десять. Седой Чиж, седой Галанин, седой Макаревич, седой Чернецкий, опирающийся на палочку.. Все те, кого принято называть старыми рокерами. Они давно не стояли рядом. Уже к концу девяностых каждый был сам по себе, а сейчас, когда общество раскололось на две неравные части, — тем более. Сам факт, что Шевчук и Скляр, люди, олицетворяющие враждующих не на жизнь, а на смерть, поют на одной сцене — сильный удар по разжиганию ненависти.

Фестиваль «Рок-музыканты помогают детям» придумал Александр Чернецкий из группы «Разные люди». Инвалид, которому двадцать пять лет назад рокеры собирали помощь всем миром, и, может быть, последний идеалист в нашем роке. Ведь давно уже никто ни во что не верит. Сам факт, что кто-то ведет себя по-человечески, наводит на подозрения. Когда он объявил, что будет концерт в пользу четырех тяжелобольных детей, в Сети сразу стали писать: ну это, конечно, пиар на благотворительности. Хотя какой еще пиар нужен Шевчуку с Макаревичем, да и всем остальным — понять сложно. Они и так звезды.

А дети — вполне конкретные и действительно нуждаются в помощи. Лиля (рак). Егор (специфическое расстройство развития). Олег (остеогенез). Егор (ДЦП). Никто не знает, какие у них политические взгляды. Неважно даже, любят ли они рок.

Им просто надо помочь. Как сказал Сергей Летов, саксофонист, переигравший, наверно, со всеми русскими музыкантами: «Пока идут идеологические разборки, все забыли о том, что есть реальные люди, и они страдают». Только кажется, что слова «идеология» и «идеализм» одного корня. Смысл абсолютно разный.

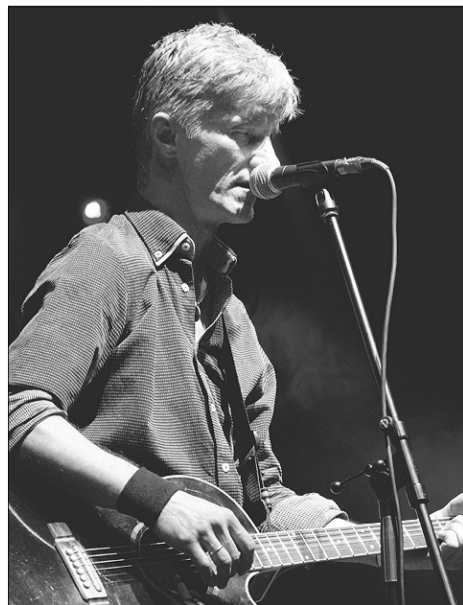
Это хорошо, что Чернецкий совместил несовместимое. Вот Ефремов читает стихи либерального поэта Орлуши. А вот выходит Скляр, никогда не скрывавший своих милитаристских взглядов, и поет «Маршруты московские». Вот Шевчук поет о родине-уродине: «Черные фары у соседних ворот... Сколько правды в глазах государственных шлюх». Что совсем не мешает Чернецкому спеть: «Будущее есть! Оно в тебе и во мне! Оно здесь, в этой стране! Во имя любви и во спасение — больше рок-н-ролла на душу населения!!!» И прозой: «Будьте счастливы, любите родину, не бросайте ее в беде!»

Почти все песни старые, узнаваемые. Им по тридцать и больше лет. А Кутиков спел в конце уж совсем древнюю «Ты можешь ходить, как запущенный сад». Про то, как хиппи отращивали длинные волосы. Когда она была написана, половины из тех, кто в зале, еще просто не родилось.

«Может быть, Россия и спасется, — сказал, глядя на все это Шевчук, — главное, чтоб гражданской войны не было». А Чернецкий спел: «Вот и закончилось лето, Где СССР — как планета». СССР — вообще ключевое слово для этой исто-

ПРЯМАЯ РЕЧЬ

Александр ЧЕРНЕЦКИЙ,
лидер группы «Разные люди»,
инициатор фестиваля:

— Весной 1991-го мне была нужна тяжелая операция за границей. Чтобы собрать деньги, решили организовать в Харькове, где я тогда жил, концерты с участием ДДТ и БГ-Бэнда. А потом в популярной программе «Музобоз» вышел видеоролик, где Макаревич, Градский, Гребенщиков и Шевчук обращались к зрителям со словами: «Наш брат заболел...» Нашлись доктора из Ленинграда, которые меня вытащили, я выжил, живу. И чувствую, что пришла моя очередь помогать.

Фестиваль мы придумали, чтобы собрать средства трем тяжелобольным детям и Олегу Фрицу, о котором стоит сказать отдельно. Это потрясающий парень! Ему тридцать лет, он инвалид с детства и у него не было возможности в детстве получить хоть какую-то помощь. Не включить его в число этих четверых я не мог. Олег — организатор рок-концертов в Славянске,

быть, спасется»

Сергей Галанин

Андрей Макаревич

Михаил Ефремов

Александр Ф. Скляр

рии, даже если оно кому-то не нравится. Вспомните, как в 1986-м всей страной помогали чернобыльцам. Дети из прилегающих областей и даже из Киева приезжали в Москву подальше от радиации. О том, что мы не братья, никто еще ничего не слышал. И таких примеров ведь было много. Если это советская ментальность, пусть будет советская, она нам сейчас очень нужна.

...В конце они выходят все вместе, берутся за руки и поют «Пусть сегодня никто не умрет», старый рок-н-рольный гимн с цитатами из Янки, Цоя, Майка и Башлачева. Это святые имена русского рока. Те, кто ушел на взлете, не дожив и до сорока. Шевчук обнимается с Чернецким, где-то над ними поет Галанин, сбоку, чуть смущаясь, подыгрывает на гитаре Макаревич и тоже поет в припеве. Примерно так же они пели когда-то «В круге света» «Машины» и «Все это рок-н-ролл» Кинчева, только это было очень давно. Когда все еще дружили и верили, что пресловутое рок-н-рольное братство действительно существует.

Это может показаться пафосным и безвкусным: пожилые мужчины, взявшись за руки, поют о добре и свете. Пусть кажется. Такое время у нас, что любые добрые намерения выглядят по-идиотски. Но ведь идеализм работает. Люди пришли, деньги собраны, дети получают помощь. И ненависти в мире стало немножко меньше. А значит, это имело смысл.

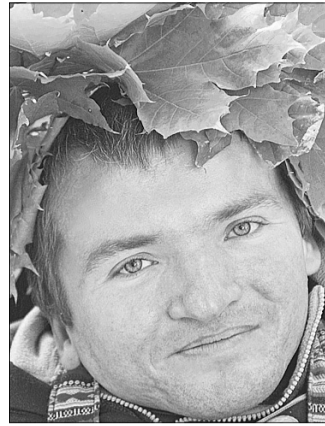
том самом, прямо рядом с войной. Если бы вы видели его! Умнейшая голова с добрыми глазами — и туловище пятилетнего ребенка. Он закончил с красным дипломом школу, сумел поступить в харьковский университет, стал айтишником. Он не сдался. А недавно меня поразила новость, что Олег осваивает губную гармошку. Это что-то невероятное! Это человек, который вдохновляет Славянск на творчество, на рок-н-ролл. Он ни в коем случае не считает себя инвалидом или калекой. Да, не может ходить, не может сам передвигаться. Но он мощнее многих здоровых ребят, мне кажется.

Теперь о концерте. Все уже заметили, что я собрал музыкантов с разными, иногда противоположными политическими позициями. Но мы изначально договорились не делать политических высказываний и не оглашать свои взгляды. 25 лет назад мы жили одной страной и очень дружили. Это сейчас нас развели по разные стороны, а мы этого не хотим. Очень важно, что люди, которых считают врагами, вышли на одну сцену. Надо

вспомнить о главных вещах, вспомнить, что такое рок-н-рольное братство. На ненависти нельзя ничего построить. Надо искать вещи, на которых можно сойтись, а не поводы для раздора. Что это за вещи? Милосердие, мир. Вот есть маленькие дети, которым родители не могут помочь, а мы можем. Так давайте сделаем это. И не важно, какие взгляды.

Мы сильнее обстоятельств, в которые нас загнали. Люди сходят с ума от ненависти, но это болезнь, она лечится, ее надо лечить. Война и ненависть — это просто рецидив прошлого. Люди, которые пытаются мерить все властью и деньгами, даже не понимают, насколько они уже далеко позади. Мир намного добрее, чем кажется, я в это верю.

Я знаю, что детей, которые нуждаются в помощи, гораздо больше. Но если сейчас у нас получится, осенью мы проведем такой же фестиваль в Питере, уже есть согласие Гребенщикова там выступить. Надо начать, надо просто начать.

Организатор концертов в украинском Славянске инвалид-колясочник Олег Фриц рассказывает о донбасском роке до войны, во время и после

Рок-н-ролл в зоне АТО

— **О** лег, что собой представляла музыкальная жизнь в регионе до начала конфликта?

— Считаю, что Донбасс — это такой мрачный край, где нет культуры, одни терриконы, закрытые шахты и умирающие при них поселения. На самом деле он разный: много мест, где нет и не было ничего подобного. До войны Донецк и Луганск вели насыщенную культурную жизнь, был богатый выбор куда пойти. От регулярных квартирников и выступлений в клубах и концертов в филармонии. Летом, как и всюду, шли фестивали: ДрФест в честь культового рок-барда Вени Д'ркина, луганский этнофестиваль Нипата. Много было всего.

То, к чему имею отношение я как организатор, это авторы-исполнители, в основном поющие под гитару, играющие акустический «русский рок», который доминирует в регионе. Наш формат — те, кто выступает в небольших клубах, участники акустических фестивалей и квартирных концертов.

Постоянно приезжали российские музыканты, с которыми я очень дружу. Регулярными гастролерами по востоку Украины были, например, Сергей «Силя» Селюнин со своей группой «Выход» и Умка.

Много интересного было в Горловке. Даже в тяжелом 2014 году музыканты записывали очень яркие вещи. Это в первую очередь Дмитрий Дубров, сейчас он уехал в Харьков, иногда играет в Москве. На концертах до сих пор поет песни, связанные с тем, что произошло: «Архипелаг Донбасс», «Родины нет во мне» («Одни патриоты убивают других»).

Еще один горловский экспериментатор — Антон Бессонов с проектом «Тим Талер». Буквально под аккомпанемент обстрелов в Горловке при поддержке Антона стартовал новый синти-поп проект Sun In Virgo.

В Луганском государственном медицинском университете до войны учились тысячи иностранцев из 50 стран мира. Создавались мультикультурные проекты, не имеющие аналогов в Украине. Скажем, в группе Дмитрия Иванова Sur Saptak играли музыканты, приехавшие учиться из Индии. Основная идея — исполнение классической индийской музыки в наиболее близком к оригиналу виде, без упрощения и европеизации мелодий.

Славянск, к сожалению, далек от такой бурной культурной жизни. У нас все скромнее. Музыкантами этого формата занимаюсь только я с нашей командой. На данный момент подходящих концертных площадок в городе почти нет, собираемся в разных местах. После военных действий было ощущение, что все начинается с нуля. Были сомнения, а нужно ли это людям. Но в конце 2014-го я сделал один-единственный концерт и понял, что продолжать необходимо. Пытаюсь записывать концерты, фотографировать, делать хоть что-то.

— **Во время боевых действий рок-жизнь замерла или все-таки что-то происходило?**

— Славянск город небольшой, во время обстрелов он опустел. Было не до музыки. Мало кто выходил из квартир и подвалов. Люди выживали, добывали воду. Это сложно понять, не пережив того, что пережили мы. Никому бы не пожелал.

Есть и потери среди музыкантов. Тем летом во время обстрелов погиб участник

славянской панк-группы «Point G» Максим Кицман.

Хочу сказать, что наш город долго не могли раскатать митингами. Ни против сланцевого газа, ни коммунистическими, ни патриотическими. Если честно, то большинство людей безразлично ко всему этому, у них другие заботы. Лишь в начале 2014-го на центральной площади стало собираться много народа, как на День города. Когда начали стрелять, кто-то уехал, кто-то потом вернулся. Сейчас город непривычно оживлен за счет беженцев из ближайших городов и военных.

Естественно, появились песни на военную тему. Из тех, кто поддержал ополчение, могу вспомнить только группу «День Триффидов», которая записала «Гимн ДНР». Летом 2014-го, в разгар военных

« Война ударила и по украинским музыкантам по обе стороны Днепра, и по российским »

действий, горловский «Тим Талер» выпустил антивоенный альбом «Блокпост». А наша славянская команда «Смолова Галерея» еще во время Майдана записала песню «Залишатися людьми» (Остаться людьми).

— **Сейчас культурная среда восстановилась или это уже невозможно восстановить?**

— В некоторых местах она и не исчезла. В Донецке в разгар войны открылся новый рок-клуб. В Луганске сейчас проходят вечера оставшихся и уже вернувшихся музыкантов.

У нас в Славянске первое время с этим было сложно, но сейчас все постепенно выравнивается. Люди хотят творить и радоваться жизни, несмотря на что. Открылись молодежные платформы «Вільна Хата» и «Теплиця»: мастер-классы, лекции, кинопоказы. Это для нас очень важно.

Но, конечно, урон нанесен большой. Множество концертов отменено. Крупные мероприятия, фестивали вообще неизвестно когда возобновятся. Ряд музыкантов, гастролировавших эти годы по территории России, записаны в предатели, их выступления на родине под вопросом. Российские музыканты тоже находятся в растерянности от происходящего, ждут стабилизации.

Даже после нормализации обстановки вопрос, как ездить друг к другу с концертами хотя бы по территории Донбасса, остается открытым. Под вопросом вообще существование основных культурных центров востока Украины. Война ударила и по украинским музыкантам по обе стороны Днепра, и по российским.

Но что бы там ни говорили «эксперты», мы все находимся в едином творческом пространстве, вне границ. Некоторые культурные различия — это причина вдохновения, а не повод делить что-то и убивать друг друга. Всё и все связаны, от этого никуда не деться.

Рассказы Стрелка прочитают в Гааге

Доклад польского депутата принят на рассмотрение Международным судом

Доклад депутата польского Сейма Малгожаты Госевской о военных преступлениях в Донбассе приняли на рассмотрение в Международном суде в Гааге. Документ может лечь в основу трибунала по Донбассу — на его учреждении настаивает Украина и некоторые европейские страны.

Впервые доклад был опубликован еще в конце прошлого года. Впрочем, внимание привлек только сейчас — в связи с интересом, проявленным в Гааге.

Малгожата Госевская описывает встречи со свидетелями казней и жертвами пыток; встречи записывались во время ее поездок по Донбассу в 2014 году. Доклад на 157 страниц содержит, в частности, «расстрельные приказы», подписанные лично экс-главкомом «армии Новороссии» Игорем Стрелковым-Гиркиным. Надо сказать, что копии этих приказов оказались в Сети еще летом 2014 года, сразу после отступления «главкома Новороссии» из Славянска. Но о существовании этих документов в Гааге заговорили лишь после ознакомления с докладом Госевской.

Подлинность «расстрельных приказов» косвенно подтверждал и сам Стрелков-Гиркин — в интервью РИА «Новости» в мае 2014 года он заявил о расстреле Дмитрия Славова и Николая Лукьянова «за мародерство, вооруженный грабёж, похищение человека, оставление боевых позиций».

Мотивы внесудебных расправ объясняются в других приказах за подписью Стрелкова-Гиркина. Так, в одном из них главком доводит до сведения населения Славянска, что правонарушение в зоне военных действий «будет и далее караться решительно и беспощадно».

Об участии Стрелкова-Гиркина во внесудебных расправах также говорится в материалах, попавших в открытый доступ благодаря «Анонимному интернационалу». По словам хакеров, им удалось вскрыть почтовый ящик «экс-главкома Новороссии», в котором помимо документов обнаружили и рассказы Стрелка. Выдержки одного из них — под названием «Приключения отморозков» — «Новая» опубликовала в материале «Русская мечта. Начало». Рассказ был написан для друзей и отсылает ко времени службы автора в Чечне в самом начале двухтысячных. В сюжете описывается «оперативная

КОММЕНТАРИЙ

Малгожата ГОСЕВСКАЯ,
депутат Сейма Польши:

Властям России плевать, что ее граждане совершают преступления в Донбассе

— Вы пробовали выйти на самого Стрелкова-Гиркина и других российских командиров, участвовавших в этой войне?

— Нет, я не пыталась, но я искала людей, которые были у них в плену. Я встречалась с ними, делала беседы.

— В приказе, который вы приводите, упоминаются двое приговоренных к расстрелу — Славов и Лукьянов. Вы смогли связаться с их близкими?

— Большинство людей, которые нам свидетельствовали, не знали лично жертв и не смогли назвать их имен, хотя и видели расстрелы. Но у нас есть документы с подписями, которые мы также отправили в суд. Очень часто жертвами становились простые

вылазка федералов» во главе с офицером Стрелком в селении Мескер-Юрт во время второй чеченской войны. Группа должна исследовать местность и определить круг тех, кого впоследствии задержать «без суда». В предисловии автор предостерегает друзей от публикации рассказа, поясняя, что сюжет подлинный, а многие из описанных в нем людей уже «зачищены». Правозащитник из «Мемориала» Александр Черкасов позже сопоставил время и события, описываемые в рассказе, и сообщения об исчезновении людей во время зачисток в Мескер-Юрте в 2000 году. Как рассказал «Новой» Черкасов, в селе были похищены четыре жителя, тела трех из них обнаружили в массовом захоронении неподалеку от Ханкалы только спустя полгода.

Надо отметить, что факт службы Стрелкова-Гиркина в ФСБ до сих пор остается спорным. Сам «предводитель русской весны» не комментирует этот момент. В то же время из взломанной «Анонимным интернационалом» почты следует, что Игорь Гиркин (настоящее имя Стрелкова) служил в ФСБ как минимум

«Расстрельный» приговор за подписью Стрелкова-Гиркина

мирные жители, даже не активисты, не военные, не волонтеры, хотя и таких множество. Очень много описывается случаев нападений боевиков на мирных жителей с целью завладеть их имуществом и деньгами.

— Есть шансы, что ваш доклад станет основой для учреждения Гаагского трибунала по военным преступлениям в Донбассе?

— Все документы уже в Гааге. Более того, суд выразил большой интерес к изложенным фактам. Мы встречались с представителями Международного суда полтора часа. Их интересовала методология моего доклада, как мы собирали информацию, насколько она достоверна.

— Когда, полагаете, может быть начат этот процесс?

— К сожалению, этот суд быстро не работает. Притом что страны дают много денег на его работу и спрашивают: если мы платим, почему у вас все так медленно? Думаю, сейчас тот самый момент, когда Гаагский суд захочет проявить себя.

— Ваш доклад описывает лишь преступления, совершенные сепаратистами. Как в таком случае говорить об объективности?

— Вы сказали «сепаратисты». Это не совсем верное слово. Там, как заявляли мне свидетели, были представители различных российских служб. Описывается множество случаев, когда пытки совершали граждане России. Поэтому некорректно употреблять по отношению к ним это слово «сепаратисты».

— В вашем докладе вообще не говорится, что преступления и пытки были и на подконтрольных украинским силам территориях. Почему?

— Каждый может сделать такой доклад, какой он хочет. Я сконцентрировалась только на преступлениях российской стороны, и это первый такой доклад. То, о чем говорите вы, можно почитать в других докладах, их много — о преступлениях украинских добровольческих батальонов и других соединениях. Но государство на Украине, что очень важно, расследует и передает в суд такие дела. А Россия ничего не делает с теми преступлениями, которые в Донбассе совершали ее граждане. Вот в чем проблема.

с конца 90-х по 2005 год. Подтверждают факт его службы и ранее близкие ему люди. Например, один из лидеров «ДНР», пожелавший остаться неизвестным, сказал, что увольнение Стрелкова-Гиркина в 2005 году произошло из-за того, что он якобы «провалил обязательный для сотрудников тест у психиатра». Вторая жена Стрелкова-Гиркина Вера в беседе со мной называла ту же версию увольнения ее бывшего мужа из рядов ФСБ.

На официальный запрос «Новой» о службе Стрелкова-Гиркина в Чечне во время второй кампании в ЦОС ФСБ решили уйти от прямого ответа: «Информацией по указанным вами фактам не располагаем».

Отправку «расстрельных приказов» в Международный суд мы попросили прокомментировать самого Игоря Стрелкова-Гиркина и переслали ему сканы приказов, подписанных его именем. В ответ «экс-главком» сообщил, что ничего комментировать не собирается. Пресс-секретарь Стрелкова-Гиркина Анастасия Михайловская, в свою очередь, сказала, что в курсе отправки документов в Гаагу,

но в окружении ее начальника значения этому не придают.

«Польше надо заниматься своими делами, — заявила мне Анастасия Михайловская. — Эта депутатка какое вообще имеет отношение к Донбассу?»

Бывшая жена Гиркина Вера, по ее словам, также бывшая сотрудница ФСБ, высказала точку зрения, что расстрелы людей в Донбассе «были ошибкой». «На Украине он [Стрелков-Гиркин] испортился. В Чечне он не стал бы расстреливать прилюдно тех, кто готов идти за него».

По мнению Веры Гиркиной, нельзя сравнивать такие «ошибки» в Донбассе с зачистками в Чечне, которые «можно понять». «Я не считаю, что в Чечне Гиркин делал что-то неправомерное... Когда он служил там, то был на своем месте. Если говорить о том, что он совершал какие-то военные преступления в Чечне, то надо обвинять тогда и несколько тысяч [других сотрудников]».

Павел КАНЬГИН, «Новая»

Печатаем фрагмент из неопубликованного интервью и рассказываем о фильме, который молодые кинематографисты снимают с помощью краудфандинга

«Берегите ее, она настоящая», — говорила Бродскому и его друзьям Анна Ахматова. Она ценила стихи молодого поэта Натальи Горбаневской. И кто знает, может быть, именно тогда, когда Наташа Горбаневская от руки переписывала «крамольный» «Реквием», она напилась воздухом свободы. «Ворованным воздухом», как Мандельштам называл стихи, «написанные без разрешения». Для Натальи Горбаневской стихи, которые рождались «сами по себе», и поступки — как продолжение ее стихов, были нерасторжимым образом связаны. Не случайно во время обыска она пыталась сберечь прежде всего тот самый «Реквием» Ахматовой, вручную переписанный, но ститульным листом, сделанным автором. «Поступок — часть твоей жизни, — говорила Наталья Евгеньевна. — И стихи — часть твоей жизни. Не было никакого разрыва».

Она никогда не чувствовала себя героем, активистом. И даже когда вышла вместе с семеркой смельчаков и двумя маленькими детьми на Красную площадь (младшему исполнилось три месяца), она защищала не только Пражскую весну, но и человеческое внутри себя: «Я вышла на площадь, чтобы не испытывать перед своим ребенком чувство стыда». Чувство стыда, личной вины гнало их на площадь. Чтобы там, у стен Кремля, развернуть баннер «За вашу и нашу свободу».

*И, прикована вечной незримою цепью к нему,
я усладу найду и отраду найду
в этом страшном доме,
в закопченном углу, где темно,
и пьяно, и убого,
где живет мой народ без вины
и без Господа Бога.*

Она скончалась в Париже в 2013-м.

Берегите ее, она настоящая

26 мая Наталье Горбаневской исполнилось бы 80 лет

Лев ШЛОСБЕРГ

Наталья ГОРБАНЕВСКАЯ: «Все остальное я делала сознательно, а стихи пишутся сами»

— Энтузиазм у меня был, но точно не от семьи. Помню, я очень боялась, что мне не хватает десяти дней до 14 и меня не примут в комсомол. Ну что можно требовать от 14-летнего ребенка, который ничего другого не знает? Есть интересные воспоминания Революта Пименова, который, будучи подростком, уже был настроен против советской власти. Он пишет: «И тем не менее, живя в совершенно нишей обстановке, я верил в то, что мы в Советском Союзе все равно живем лучше всех, а в капиталистических странах люди живут еще хуже». Понимаете? Был такой спектакль «Снежок», где рассказывалось, как бедного негритенка преследуют в Соединенных Штатах Америки. Я думаю, у меня единственной прививкой против всего этого была поэзия. Потому что я рано начала читать. Мне в 5 лет подарили юбилейный однотомник Лермонтова, который я читала весь — стихи, прозу, драмы. Когда с мамой приходила в гости, мама там сидит с приятельницами разговаривает, а я найду книгу, впиваюсь и читаю. Где-то в начале войны я нашла довоенный журнал «Знамя». Он открывался стихами Ахматовой «Сказка о черном кольце». Я эти строчки с тех самых пор помню.

*Мне от бабушки-татарки
Были редкостью подарки;
И зачем я крещена,
Горько гневалась она.*

И поэтому, когда в 1946 году было постановление об Ахматовой и Зощенко, я не скажу, что я там что-то такое имела против. Но при этом у меня где-то в мозжечке были эти строчки Ахматовой. Это существовало как бы в разных плоскостях. Но существовало. Потом уже, лет в 11, опять-таки не дома, а у одной маминой приятельницы, нашла однотомник Блока. И я приходила и читала его. Больше всего

я тогда любила «Театр» Блока. В 11 лет я читала «Незнакомку», «Балаганчик», «Снежную маску», «Розу и крест».

— А когда сами начали писать?

— Семейные предания донесли четверостишие, которое я написала. Вернее, не написала, а произнесла в четырехлетнем возрасте. Единственное, что в нем интересного, — оно совершенно не похоже на все образцы детской поэзии. И кроме того, в нем присутствуют совершенно абстрактные вещи. Оно интересно тем, что в большой степени предсказывает мою будущую поэтику. А также некоторые будущие, гораздо более поздние детали моей биографии. Четверостишие такое:

*Душа моя парила.
А я варила суп.
Спала моя Людмила,
и не хватало круп.*

Поэтика по принципу «в огороде бузина, в Киеве дядька». Но «душа моя парила» — мне мама много стихов читала. Мама пела, бабушка пела. И музыка поэзии во мне все время жила. Она меня от многого защитила. От чрезмерного энтузиазма. Хотя вообще энтузиасткой и экстремисткой я была. Я когда была уже в иммиграции, то прикидывала, что бы со мной было, если бы я с тем же характером и темпераментом родилась во Франции или в Германии? Ой, боюсь, что было бы очень плохо.

— Почему?

— Я могла бы попасть к левым экстремистам и даже к террористам. В Германии снимали когда-то телевизионный фильм про нашу демонстрацию. И меня там играла девушка, которая в прошлом была

подругой Ульрики Майнхоф (одна из лидеров Фракции Красной армии. — Ред.). Вот так вот все близко-близко подходит, через одного человека я оказалась рядом. Понимаете? Мне и сейчас приходится умерять темперамент. Хотя я научилась в общем... когда надо. Но потенциал был. Бывает, начинают писать что-то про мои стихи и сравнивают с Цветаевой. Я говорю — это не поэтика, это темперамент. Это темперамент, который всю жизнь стараюсь обуздывать. Потому что от этого темперамента ни мне, ни, главное, окружающим особо хорошо не бывает.

— И в этом тоже стихи помогали?

— Думаю, не только поэзия. Жизнь вообще старение, мудренье, взгляд, которым окидываешь прошлую жизнь и находишь столько всего, за что стыдиться... и не хочешь стыдиться в будущем.

— У вас было чувство, что родились для чего-то большего?

— В молодости случалось это чувствовать, но потом перестала, слава богу. Я как раз чувствую себя в принципе нормальным рядовым человеком, которому дан некоторый дар. Но совершенно незаслуженный, лично от меня не зависящий. От меня зависит лишь, как его использовать. И все.

— Дар поэзии или еще какой-то другой?

— Нет, когда я говорю дар — это стихи. Все остальное я делала сознательно, а стихи пишутся сами.

Лариса МАЛЮКОВА,
обозреватель «Новой»

ПОД ТЕКСТ

**«Я не героиня,
я обычный человек»**

Эти ее слова дали название будущему документальному фильму режиссеров Ксении и Кирилла Сахарновых «Наталья Горбаневская: «Я не героиня», приуроченному к 80-летию со дня ее рождения. С Натальей Горбаневской режиссеры дружили последние четыре года ее жизни. Она стала одним из героев их дебютной работы «5 минут свободы» (2012), посвященной демонстрации 25 августа 1968 года на Красной площади.

Новый фильм в большей степени расскажет о Горбаневской-поэте, вернее, «поэтке» — она всегда предпочитала это польское слово манерному «поэтесса». Она вообще с пристрастием относилась к словам. К примеру, не любила слово «инакомыслящий». Говорила: «Мы просто мыслящие... нормально мыслящие, нормально действующие». Наверное, она права. Но как же трудно порой соответствовать этой «норме».

На краудфандинговой платформе [Planeta.ru](https://planeta.ru/campaigns/gorbanevskaya) идет сбор средств на создание этого фильма: <https://planeta.ru/campaigns/gorbanevskaya>
Приглашаем вас принять участие в сборе, внеся свой вклад в память о поэте Наталье Горбаневской.

Нет, интернет не убивает наших детей

Почему цензура не поможет в борьбе с подростковыми суицидами

Следственный комитет отчитался о том, что организатор «групп смерти» «ВКонтакте» найден — им якобы оказалась 13-летняя девочка из

Омска, скрывающаяся под псевдонимом Ева Райх. Сюжет вполне пелевинский, и потому похожий на правду. В России именно так и бывает — вместо загадочной секты главным манипулятором и кукловодом оказывается какая-нибудь девочка. Тем не менее версия СК, мягко говоря, нуждается в проверке. Но вот депутат Мизулина постаралась эту тему немедленно оседлать. В духе свойственного ей высокого гуманизма она сделала заявление, что перед нами подходящий повод для снижения возраста уголовной ответственности. Тринадцатилетних, считает депутат, тоже отлично можно сажать. Подобную реакцию Мизулиной и Ко на публикацию «Новой газеты» действительно можно считать предсказуемой. Но Мизулина вообще реагирует одинаково на любые раздражители. Любое инициативы появлялись в Госдуме как до, так и после скандала вокруг статьи Галины Мурсалиевой. Бессмысленно утверждать, что этот текст стал «поводом для новых репрессий в интернете», потому что уже в течение многих лет все заинтересованные лица обходились в раскручивании маховика цензуры без специального повода.

Действующая в России цензура не помогает бороться с подростковыми суицидами, но, наоборот, позволяет обществу и государству отмахнуться от них. Политика Роскомнадзора, например, делает невозможным проверку достоверности информации СК о «тринадцатилетнем организаторе» из Омска, поскольку никакой личной информации, даже без указания реального имени, о несовершеннолетнем публиковать нельзя. «Новая газета» по тем же причинам не может опубликовать информацию, подтверждающую подготовку реальных суицидов подростками «ВКонтакте», возможно, предотвращенных в результате наших публикаций. Государство — и мы уже не раз говорили об этом — приняло на вооружение

иезуитскую тактику, которая предполагает, что запретить обсуждать проблему — значит решить ее. Якобы достаточно наклеить на все запретные темы «18+», и вот уже никакие самоубийства станут подросткам недоступны и неинтересны. Здесь государство использует ложный и лживый термин — «пропаганда суицидов», который смешивает честный и необходимый обществу разговор о проблеме и реальное вовлечение подростков в «суицидальную игру», как в случае с «группами смерти».

Новых законов, регулирующих интернет для защиты подростков от суицидов, принимать не нужно. Во-первых, потому что это не поможет — причина самоубийств

лежит в социальной реальности, а не в конкретных группах в интернете, которые справедливо рассматривать в качестве психологических триггеров. Во-вторых, у государства и так столько полномочий по контролю за интернетом, что оно просто не в состоянии пользоваться всеми ими одновременно — чего стоит только печально известный «реестр блогеров Роскомнадзора», в который, по всей видимости, должны были записаться и создатели «групп смерти». Конкретно у правоохранительных органов также были все необходимые юридические основания для того, чтобы провести расследование, связанное с готовящимися массовыми суицидами, — и устанавливать, реальные ли события перед нами, или инсценировка, «игра».

Вопросы о существовании суицидальных групп нужно задавать не только и, возможно, не столько государству, сколько частной компании — «ВКонтакте». Почему то ни разу в дискуссии о «группах смерти», свободе слова и цензуры не было упомянуто такое понятие, как «репутация ВКонтакте». Для сравнения, в Facebook, пользователи которого являются десятки миллионов подростков по всему миру, группы, связанные с child abuse (насилием над детьми) или подготовкой к суицидам, немедленно блокируются и при необходимости проводятся полицейские расследования —

подобный случай некоторое время назад имел место, например, в Гонконге. У нас в России общество считает нормальным, что частная компания не считает нужным тратить лишние деньги на фильтрацию собственного контента — «группы смерти» и соответствующие материалы, включая видео, циркулировали «ВКонтакте» месяцами. Facebook в этом отношении эффективен еще и потому, что в западной культуре среди пользователей сети не считается зловещим «стучать» на противозаконный и нарушающий правила площадки контент.

Есть разница между обсуждением проблем подростков и организацией «игр в суицид», как это происходило в отдельных группах «ВКонтакте». «Игры» нужно останавливать, причем заботиться об этом должна в первую очередь площадка, на которой это происходит, — в нашем случае социальная сеть и ее руководство. Но конец «игр» не означает, что проблема будет решена. Как раз наоборот, сейчас начинается разговор, обещающий быть долгим и неприятным. Почему Россия мировой лидер по числу подростковых и взрослых суицидов? Что мы можем сделать, чтобы изменить эту тенденцию?

Кирилл МАРТЫНОВ, «Новая»

«Сейчас начинается разговор, обещающий быть долгим и неприятным»

ЛИЧНЫЙ ОПЫТ

Как только Сергей КАЗАРНОВСКИЙ, директор московской школы «Класс-Центр», прочел в «Новой» статью Галины Мурсалиевой «Группы смерти», он разместил ее на сайте школы, предназначенном для родителей и учителей. После первого шока началось обсуждение. А уже через несколько дней виртуальная дискуссия продолжилась на родительском собрании в одном из старших классов.

Сергей Казарновский, директор «Класс-Центра»

«Вы делаете из этого тайну, а человек просто погибнет»

В московской школе «Класс-Центр» статью о детских суицидах обсуждали на собрании родители старшеклассников

Родители рассказывали о первом впечатлении: испуг и встряска — что я знаю про то, чем живет мой ребенок? Родители единодушно благодарили за статью: да, она очень встревожила, но заставила остановиться в нашей ежедневной гонке и задуматься. Кажется, что мы близки со своими мальчиками и девочками, мы их понимаем, но, видимо, это не всегда так, раз может происходить такой ужас.

Но что же делать?

Поколение сегодняшних родителей очень щепетильно относится к индивидуальным границам детей: нельзя читать их дневники, письма, нельзя влезать в их переписку в интернете. Неужели перешагнуть через эти не так просто выращенные ценности?

Вот слова Елены Вроно, психолога, психотерапевта и главного в стране специалиста по детским суицидам, сказанные на лекции в «Новой газете»: «Конечно, мы сегодня все демократически ориентированные и продвинутое родители, и хорошо понимаем, что такое личное пространство, приватность, и очень стараемся эти границы уважать. И — перестраиваем. Считаем, что если залезем в его дневники — это будет досмотр (я сама так считаю!), но если какая-то записка или

дневник оставлен, чтобы попасться мне на глаза, я должна заглянуть. Скорее всего, это не случайно, таким образом ребенок мне кое-что сообщает».

Классный руководитель одного из старших классов школы «Класс-Центр» рассказала на родительском собрании, что заговорила о статье в «Новой» с десятиклассниками: как быть родителям? Ученики оказались категорически против того, чтобы родители проверяли их контакты в интернете. Обсуждали, спорили, пытались поставить себя на место родителей: они же волнуются. Но в конце концов сошлись на таком варианте: если родители проверяют мою переписку и отслеживают группы, в которых я общаюсь, пусть делают это так, чтобы я не знал. Для детей важно чувство доверия.

Как не потерять его, но и не пропустить того, чего пропустить нельзя?

Лиза К. рассказала про обсуждение темы дома с сыном-старшеклассником. Рядом был и старший сын — первокурсник юридического факультета. Он сразу сослался на статью Конституции: «Каждый имеет право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну». А вот апелляция к тому, что каждый из подростков должен позаботиться о своих

друзьях, подействовала. И тут старший вспомнил: одноклассник говорил ему что-то про похожие группы, только до статьи он пропускал это мимо ушей. А теперь сказал: «Обязательно проверю, в каких он группах, — он у меня в друзьях». Ну и маме оба сына уже через 15 минут открыли свои контакты: «Нам нечего скрывать».

Сергей Казарновский озадачил родителей: людей, которые защищены от очень страшных событий с детьми в семье, — нет. «Я, к сожалению, проходил это с детьми, которые начинали принимать наркотики, а родители даже не допускали такой возможности, им казалось, что все у них нормально. Можно ли заглядывать в их дневники, в группы, которые они посещают в интернете? Цена вопроса такова, что не только можно, но и нужно. У нас в школе были случаи, когда оставленные детьми дневники — и бумажные, и открытые странички в интернете, замеченные родителями, позволяли предотвращать серьезные происшествия».

Мама Елены П. рассказала на собрании свою историю: «Дочка оставила открытой свою страничку в сети. Я зашла в ее контакт, когда она была в школе. Но ее подруга болела и была в это время дома,

РИА Новости

ТЕМ ВРЕМЕНЕМ

«ЭТО ВСЕ РАВНО ЧТО ВМЕНИТЬ АПТЕКЕ, ЧТО ОНА ПРОДАЕТ ЛЕКАРСТВА СУИЦИДЕНТАМ»

Депутаты и профессиональное сообщество не поддержали предложение сенатора Мизулиной ужесточить законы в области интернета

Предложение сенатора Елены Мизулиной ввести наказание для владельцев и руководителей социальных сетей, в которых создаются так называемые суицидальные группы, пока не нашло публичной поддержки у других членов Совета Федерации и депутатов Госдумы. Более того, против ужесточения законодательства в области интернета уже выступили интернет-омбудсмен Дмитрий Мариничев и главный детский психиатр Москвы Анна Портнова. Их осторожно поддержала другой сенатор, Елена Попова.

Портнова уверена, что подросток приходит в ту или иную группу в соцсети из-за своего психологического состояния.

«В том, что происходит с детьми, виноваты мы, взрослые. Ребенок, который приходит к суициду, он одинок, у него проблемы со сверстниками, у него нет поддержки в семье и не с кем поделиться и выплеснуть свои эмоции — и потому он идет в группу. Никому не приходит в голову обратиться к психологу, если возникают проблемы. Родители часто даже не замечают депрессии у ребенка».

С детским психиатром солидарен интернет-омбудсмен Дмитрий Мариничев. Он полагает, что ни развитие новых технологий, ни соцсети сами по себе не могут быть причиной смерти детей, а к самоубийствам ведут конкретные действия конкретных людей.

«Что бы ни произошло, все пытаются начать регулировать интернет. Одно из недавних предложений — убрать анонимность из социальных сетей, то есть каждый человек должен быть под своими фамилией и именем. Для меня это совершенно неприемлемо, потому что право на анонимность должно быть у каждого человека. Это очень часто возникает, когда пытаются регулировать то, что видят, а видят поверхностно — потому и пытаются применять законотворчество к информационным посредникам. Это как раз и ведет к закручиванию гаек».

Одновременно с этим Мариничев полагает, что никакого privacy (неприкосновенности частной жизни) у детей в интернете быть не может, и за все их действия там должны отвечать родители. Интернет-омбудсмен даже предложил ввести в школах ликбез для родителей по технологической грамотности.

«Я против цензуры в интернете, но считаю, что родители обязаны отслеживать, чем занимается ребенок, — говорит Анна Портнова. — Оправдание, что «я не владею компьютером», — это ерунда. Можно в любой соцсети подружиться со своим ребенком, вступить в те же группы... Надо знать, что происходит у ребенка в душе. И озаботиться этим надо не в подростковом возрасте, а гораздо раньше».

Пока звучат только предложения об очередных ужесточениях, готовых законопроектов еще нет, но они обязательно появятся, уверен Дмитрий Мариничев. «У наших депутатов очень много активности, которая направлена исключительно на проявление самих себя. Тем более скоро выборы, а тут такая тема. Поскольку в повседневной жизни уже сложно что-то регулировать, они все идут в интернет. Это для них terra incognita, где ничего непонятно и где любую идею можно облечь в федеральный закон».

Зинаида БУРСКАЯ, «Новая»

сидела в интернете, и начала переписку с дочерью. Словом, я спалилась. Уже на перемене дочка мне перезвонила, и мне пришлось оправдываться, хотя раньше мы договаривались, что на ее компьютере нет пароля. Договор договором, а тот факт, что я на ее странице, когда она в школе, очень возмутил: «Ты мне не доверяешь?» Я оправдывалась: я просто хотела посмотреть группы, с которыми ты общаешься. Но дочь обиделась».

Виктория А.: «Ты же сама без нее зашла. А я посадила обоих детей и честно рассказала: «Вышла такая статья, мне очень страшно. Я понимаю, что в вашем возрасте вы можете интересоваться сигаретами, сексом и так далее — мы это не будем обсуждать, я не буду вас судить за то, что мы можем увидеть в вашей переписке, но я должна посмотреть». И они мне все открыли».

С. Казарновский: «Три года назад девочка-десятиклассница ушла из дома. Я пришел в ее класс со словами: «Вы делаете из этого тайну, а человек просто погибнет. Что вы скажете, если с ней что-то случится?» Тогда ее подруга рассказала, что та собралась ехать в Питер — они обсуждали это утром перед школой. Но денег хватало только на билет до Твери. Дальше путешественница собиралась добираться попутками... Не буду рассказывать все перипетии, но удалось снять ее с поезда, и в отделение милиции за ней поехали родители. Понятно, что у подростков есть своя солидарность, но когда ситуация становится действительно опасной, необходимо объяснить им, что они должны сотрудничать со взрослыми. Хорошо, если такие взрослые есть рядом. Те взрослые, которые реально спасут».

— Нужно ли читать эту статью с детьми? — спрашивают родители.

— Надо максимально прямо говорить с детьми о сложных вопросах, — отвечает Сергей Зиновьевич. — О бесценности жизни, о ее неповторимости. У подростков случаются такие ситуации, когда кажется, что пережить нельзя. Знаете, на ринге рефери ловит момент, когда человек плывет в нокдаун — не когда он упал, а когда только близок к тому, чтобы упасть. Опытный рефери видит это по глазам и останавливает поединок. Это очень важно — вот так внимательно следить за детьми.

Сергей Казарновский закончил разговор на тревожной ноте:

— В школах, которые находятся в ведении департамента образования Москвы, десятиклассников в этом году проверяли на наркотики. Много было сломано копий вокруг этой темы — обсуждали плюсы и минусы, границы свободы и личной тайны. Но ведь очевидно, что взрослые должны знать тайны такого рода. Другой вопрос, как реагировать. Чтобы реакция была адекватной, а не вредоносной, нужно работать с педагогами и учить их, как вести себя при встрече с серьезными проблемами подростков. Не только с детьми важно поднимать трудные вопросы, но и с учителями.

Казарновский уверен: то, как «Новая» рассказала про детские суициды, оказалось нешуточной встряской, но публикация заставила и педагогов, и родителей, не говоря уже о правоохранительных органах, задуматься и начать искать пути решения проблемы.

Людмила РЫБИНА, «Новая»

Кандидат от Навального Любовь Соболь снялась с выборов в Госдуму после полутора месяцев кампании. Вместо нее в ЦАО Москвы ПАРНАС выдвинул профессора Андрея Зубова, эту кандидатуру поддерживает и «Яблоко». Оказалось, что ПАРНАС и сторонники Навального представляют себе свои договоренности очень по-разному.

Любови Соболь пришлось свернуть «низовую кампанию»

Без компромиссов

Неделю назад Григорий Явлинский встречался с Алексеем Навальным. Среди прочего, речь шла и о выдвижении Соболь. «Ей были предложены другие московские округа на ее выбор. Но вчера стало известно, что Соболь устраивает только ЦАО. Нам жаль, что так получилось», — прокомментировал «Новой» пресс-секретарь Явлинского Игорь Яковлев. ПАРНАС тоже все еще готов выдвинуть Соболь, но по Нагатинскому округу: «Почему она вдруг решила выдвигаться по Центральному округу — это ее личное желание, не более того», — говорит Мерзликин, настаивая, что Нагатинский округ как раз был за ней закреплен. Сама Любовь говорит, что этот округ никогда не был для нее приоритетным.

Изначально, вспоминает Соболь, выдвигаться по ЦАО политических активистов вообще не приглашали: Демкоалиция хотела позвать туда фигуру федерального масштаба, человека уровня Макаревича, который станет лицом всей кампании. Тогда она планировала идти по Черемушкинскому округу: «Я там училась, там же отбивала тему с памятником князю Владимиру на Воробьевых горах, мне близки тамощные муниципальные депутаты, студенты, преподаватели, я живу рядом с ним, этот округ через дорогу от моего дома начинается. Но ПАРНАС ставил условие — пусть каждый кандидат напишет основной и дополнительный округа. И Нагатинский я как раз записала дополнительным». Когда стало ясно, что именитые представители культуры не готовы идти в Думу, Любовь Соболь заявила о своих амбициях на ЦАО.

Теперь же все хорошие округа уже заняты: «В Ленинградском — это районы Сокол и Аэропорт — идет сильный кандидат от «Справедливой России» Галина Хованская, а в хорошем Черемушкинском округе идет Костя Янкаускас от ПАРНАСа, — перечисляет Соболь. — Все остальные округа гораздо слабее, чем эти три. Если бы был год впереди, можно было подумать, но осталось три месяца, и нет смысла начинать кампанию в округе, где лучшие шансы для оппозиционного кандидата — это занять второе место. Считаю, что лучше я все ресурсы потрачу на работе в Фонде борьбы с коррупцией».

«Яблоко» собирается и дальше обсуждать с ПАРНАСом кандидатов в Думу и делить округа, заявил Яковлев: на очереди для общего одобрения кан-

Квадратура Центрального округа

Отсев оппозиционных кандидатов происходит с помощью не праймериз, а привычных скандалов

ЦАО Москвы известен большим процентом голосования за оппозицию — так было и на прошлых выборах в Думу, и на выборах мэра Москвы. ПАРНАС

в апреле выдвинул в ЦАО одномандатником профессора, обозревателя «Новой газеты» Андрея Зубова. «Яблоко» же обещало не выставлять своего кандидата, чтобы не мешать ему: это первая четкая договоренность двух оппозиционных партий касательно будущих выборов. У профессора Андрея Зубова хорошие отношения с руководством обеих партий. Его предпочли расследователю фонда Навального Любови Соболь, также заявлявшей амбиции на округ. В итоге все обернулось скандалом — Навальный заявил о том, что в результате действий «разрешенных в России партий» демократы потеряли верное депутатское место.

Аудитория для профессора

«Мы считаем, что Зубов является наиболее подходящей кандидатурой — тем более Зубов будет поддержан и «Яблоком», и таким образом у нас будет единый кандидат», — заявил «Новой» зампред ПАРНАСа Константин Мерзликин. Зубов известен в оппозиционной среде своими демократическими и вместе с тем монархистскими взглядами, он был уволен из МГИМО в 2014 году после статьи в «Ведомостях», в которой критиковал присоединение Крыма.

Решение о поддержке Зубова «Яблоко» формально еще не приняло, но партия уже решила не выдвигать своего кандидата по ЦАО, чтобы не мешать Зубову. «Кандидатура Зубова нас более чем устраивает, это уважаемый профессор, очень интересный человек, который как нельзя лучше подходит для тех избирателей, которые живут в ЦАО, для советской, российской интеллигенции», — рассказал «Новой» пресс-секретарь Григория Явлинского Игорь Яковлев. — Никаких исследований мы не делали, это наше общее ощущение. Мы все-таки люди опытные, участвуем в выборах 25 лет и представление о том, где какой избиратель живет, у нас есть», — добавил он.

В итоге оппозиция потеряла сильного игрока — Любовь Соболь с начала апреля вела в ЦАО низовую кампанию, харак-

терную для сторонников Навального, с агитационными кубами и волонтерами. В понедельник она заявила, что в Думу больше не идет. Соболь рассчитывала, что расстановка кандидатов в одномандатных округах будет решаться демократическим путем. «Была устная договоренность внутри Демкоалиции, что при споре по одномандатному округу выбор кандидата решали бы праймериз. Позже Касьянов отказался от этих слов, и тогда я вышла из Демкоалиции. Все спорные вопросы должны решаться на праймериз — это был ее ключевой принцип», — говорит она.

«В декабре была четкая договоренность, что по одномандатным округам праймериз не проводятся: одномандатные округа распределяются общим решением Демкоалиции», — отрицает зампред ПАРНАСа Константин Мерзликин. Так же считает Андрей Зубов: «Коалиция решила, что лучше выдвинуть меня. Я вообще этого не добивался, они так решили, — рассказал он «Новой». — Я встречался с Соболь: мы приняли решение, что кого выдвинет коалиция, тот и пойдет в Думу, а другой будет помогать. Но она, вместо того чтобы помогать, решила настаивать на своем».

«Сейчас, при всей моей симпатии к оставшимся кандидатам, мы просто лишились депутатского места по лучшему округу, — написал Алексей Навальный в своем фейсбуке в понедельник. — Тут есть доля и моей вины. Я говорил Любе: ты просто работай, наращивай базу, готовься к дебатам. Если будешь лучше всех и докажешь это в режиме конкуренции, то округ гарантированно достанется тебе. Увы, разрешенные в России партии устроены иначе. Тут нет дебатов и конкуренции. Соответственно, и депутатов не будет».

Зубов, в отличие от Соболь, кампанию еще не начинал: «Я не начинал кампанию, пока мне не было четко ска-

зано на политсовете ПАРНАСа, что меня выдвигают: мне казалось это неким насилием над партией. Теперь я начал сбор средств, а с начала июня будут встречи с избирателями». Опоздать он не боится: «Я в некотором смысле теоретик избирательных процедур. Избирательная кампания не должна быть слишком долгой: больше трех месяцев она не ведется». В Думе Зубов собирается заниматься не проблемами ЦАО, в котором родился и живет: в его программе — принятие Декларации о противоправности революции 1917 года, запрет символов коммунистического режима и возвращение

«**Навальный заявил о том, что в результате действий «разрешенных в России партий» демократы потеряли верное депутатское место**

экспроприированной советской властью недвижимости. «Это одна из наших плохих традиций — считается, что кандидат лоббирует местные проблемы людей округа. Лампочку не ввинтили, сквер не построили... Так было в советское время, когда никакой политики вообще не было, — пояснил он «Новой». — На самом деле Госдума не занимается ввинчиванием лампочек, этим занимаются муниципальные службы. Поэтому один из пунктов моей программы — активизация местного самоуправления. Но мой уровень — уровень государственного строительства. И я хочу вернуть наших избирателей на уровень политический с уровня местного».

дидатура Дмитрия Гудкова, который давно сторонился ссор внутри демократической оппозиции и заявлял, что хочет быть поддержан всеми ее силами. Навальный же рассказал «Новой», что пятничная встреча с Явлинским касалась взаимодействия на выборах вообще, обсуждения предвыборных стратегий и списков. И несмотря на отказ «Яблока» выдвинуть Соболь по ЦАО, две политические силы договорились продолжить эти встречи.

Наталья ЗОТОВА,
«Новая»

В глубине сибирской тайги разворачивается война между двумя цивилизациями. Льется кровь. В ход идут хитрость, большие деньги

Боги болот никого не отпустят

Корреспонденты «Новой» прожили неделю на передовой и увидели, в каких муках рождается энергетическая сверхдержава

Елена КОСТЮЧЕНКО,
Юрий КОЗЫРЕВ (фото)

Лес. Дорога

Пока мы болтались на санях, прицепленных к «Бурану», мимо проезжали автопогрузчики, тракторы, автобусы с рабочими. Потом мы свернули в лес, вынырнули из леса, свернули обратно.

Все белое — и небо, и земля, и снег. На белом нужно искать белые льдины — это протаяло болото, «Буран» может уйти вниз.

Проезжаем сгоревший вагончик — партия геологов, приехавшая в окрестности Нумто 15 лет назад, с полевых работ вернулась на пепелище. «Боролись с русскими, препятствовали».

Лес снова сменяется тундрой — голой и пустой. На горизонте — два покрытых темной хвоей холма. Мимо тянется новенькая ЛЭП — пока без проводов.

— И днем и ночью работают. Две недели назад ничего не было еще.

У «Бурана» нагрелись поршни. Останавливаемся. Валерий Вэкович закуривает. Косится на холм.

— Я вам расскажу, вы не поверите. Это как легенда. Я его сам, своими глазами видел. Мне было 20 лет... Как я с вами разговариваю, так я с ним разговаривал. Скажете: так, просто!

Недовверчиво смотрит на нас. Потом говорит:

— Вот здесь недалеко у меня сестра была, ее бригада оленеводческая тут стояла. Вот я туда к ним приехал на оленях. Мимо оленей гнал, решил зайти. А то скажут: неприлично, даже чай не попил. До чума сестры не дошел, вдруг развернулся, обратно ушел. Сам себя не понимаю. На нарту сел и уехал. А потом очухался вот здесь, вот в этом месте.

И потом смотрю — он оттуда, с высококого места, прямо ко мне идет. Так же как человек выглядел, в белом халате только. Молодой... Говорит: ты знаешь, почему ты ко мне пришел? Я говорю: я откуда знаю, почему я сюда пришел.

Валерий Вэкович смеется неуверенно.

— Он со мной начал разговаривать. Как бы разговаривал. Я мысли, мысли его понимаю. Он сказал: «Ты мне когда-нибудь понадобишься, поэтому я тебя обратно повернул. А так бы ушел ты, домой приехал, немного побыл, и у тебя с головой... сумасшедший ты станешь. Мне тебя жалко стало, так как ты мне понадобишься. Когда-нибудь...» Потом утро стало, пока вот так мы болтали. Он говорит: «Все, домой можешь ехать. Оленей запрягай». Я ж их распрёг. Все, запрёг оленей. А когда он ушел... Мы же стояли напротив, разговаривали. Начал следы смотреть — ничего нету. Ха. Поехал обратно.

Вот я его и защищаю хожу. И когда мимо проезжаю, думаю постоянно — вот, вот он чего видел! А я ж тогда не понимал, что он говорил. Вот, может, он думал, что я его как-нибудь защищу. Верил в меня.

А пять лет назад... Вот метров 100 от холма, видите? Здесь они бурили. Они еще хотели метров на 200 вперед, на самый холм. Я объяснил их старшему — священное место мое, нельзя. И они чуть отошли.

Вот с тех пор сюда и хожу, семьей ходим, молимся постоянно. Вот этот холм, этот лес — священное место моей семьи. По-вашему — квартал 1432, выдел 23.

Если посмотреть на эти места со спутника — ну или «глазным зверем»

шамана — увидишь бурлящий кисель, кипящее варево, зеленую гущу, перемешанную с водой. Болота переходят в озера, озера заканчиваются тундрой, пересеченной тайгой, через землю под невероятным изгибом змеятся реки. Сюда можно добраться только зимой. Весной путь через болота будет пешим — 60 километров. Еще раз в неделю до деревни Нумто летает вертолет — 1,5 часа лету из ближайшего города, а занимать очередь надо с полуночи, и на борт попадают далеко не все.

Валерий Вэкович Пяк и его семья живут на территории природного парка Нумто. Он ненец, женат на хантыйке. Жили они здесь всегда, задолго до того, как тут появились русские. Ханты и лесные ненцы — два очень близких народа, и практически каждый местный говорит на двух языках, а молодежь еще и на русском. Нефтяное освоение пришло сюда, в ХМАО, в 70-е. Вначале осваивались другие районы. Парк вокруг озера Нумто возник в 97-м году, а в 2004-м «Сургутнефтегаз» получил лицензию на нефтедобычу. Сейчас на территории парка 89 скважин — со всей сопутствующей инфраструктурой. В планах — наращивать добычу, в том числе и у озера. Неожиданно нефтяники, привыкшие легко договариваться со всеми, наткнулись на сопротивление местных. Хантов и ненцев поддержал «Гринпис», и за несколько дней было отправлено 34 тысячи обращений в местный департамент природы.

Озеро Нумто — огромное, 56 квадратных километров, одно из самых больших в регионе. Оно священное для обоих народов. «Нумто» переводится как

Божье озеро. По одним легендам, на острове живет Казымская богиня, грозная и мстительная, по другим — сам верховный бог Нум спускался здесь на землю, и вода залила след его ступни. К озеру ездят поклоняться из соседних регионов, неделями преодолевая непреодолимые места. И конфликт из проблемы 200 жителей деревни и окрестных лесных стойбищ вдруг стал то ли национальным, то ли вообще — цивилизационным.

Ханты-Мансийск

— У нас в департаменте им никто больше не высказывает против. Они ждут не дожудят, когда я уйду на пенсию. Я им сказала: знаете, когда я уйду на пенсию, у меня будут еще большие руки развязаны. Я буду человек свободный. Джинна выпусти из бутылки? Точно так же я буду. Первое, как я уйду со службы, что я сделаю — напишу в прокуратуру.

Татьяна Павловна Меркушина, начальница отдела особо охраняемых природных территорий департамента природных ресурсов ХМАО, рубит салат и нервничает. Через несколько часов — самолет в город Белоярский, где пройдет слушания по изменению зонирования парка. Если зонирование изменится, нефтедобыча подойдет к озеру, и ближайшая разведочная скважина окажется в 15 километрах. За новое зонирование на слушаниях выступает ее непосредственный начальник, Евгений Платонов. Сама Меркушина едет как частное лицо.

← СТРАНИЦА 9

— А не дать слово мне не имеют права. И ограничивать количество времени они не имеют права. Как меня вычеркнули? Меня вначале включили от научно-технического совета, потому что есть мнение ученых, и народ должен его знать. Платонов мне сказал: «Ты это не будешь говорить. Ты будешь выступать по дорожной карте». Я говорю: «Кому нужна ваша дорожная карта? Я по дорожной карте выступать не буду». «Значит, ты не будешь выступать», — и вычеркивает меня. Короче, у нас идет война не на жизнь, а на смерть. Либо пан у меня будет, либо пропал. Одно из двух. Кофе, чай?

— По Нумто какая ситуация. Когда мы готовили положение о парке, это был 97-й год, у нас в округе шла полным ходом геологоразведка, которая определяла размер нефтяных запасов. Нам сказали: давайте мы проведем геологоразведку и тут. И пропишем в положении о парке «разведку и добычу» только в виде исключения. А когда мы будем делать зонирование, мы это уберем. Хорошо, мы пошли на это, согласились, потому что запасы общие должны быть. Стратегический фонд — если запасы все иссякнут или на случай войны. Ладно, провели, законсервировали. В 2004-м к нам приходят — у них лицензия уже. Я говорю: на каком основании вы получили лицензию? С нами вы не согласовывали, с администрацией природного парка не согласовывали! «Нам дали». А в лицензии написано: «особо охраняемые природные территории отсутствуют». Почему им дали лицензию? Все знали, что особо охраняемая территория есть. И нет бы одну лицензию — им три дали, которые сплошняком пересекают природный парк! Я сказала: «Хорошо, лицензия дается вам на недра, как хотите, так и добывайте, а на земле работать вам не дам». Вот с 2005 года и начался у нас сыр-бор. Десять лет почти, да?

Татьяна Павловна смотрит в упор:

— Территория очень уникальная. Сходящаяся самая южная граница тундры, границы северной тайги, средней тайги, кедровники — они представляют альпийскую горную местность. Там нельзя вообще ничего трогать! Я была на проверке в 12-м году, в 13-м году, видела все это безобразия. Бульдозером ягодники сносят. Ездят вне дорог, по тундре, на газушках, снимают полностью верхний плодородный слой, он сразу покрывается весь водой, по деревьям катят, по маленьким этим кедровничкам. В парке лесозаготовки — появились шквальные ветра, а никогда их тут не было. Мы сделали рекультивацию, говорят. Они сделали осенью, а я приехала весной, в июне — вы знаете, вот такие кедровки сидят, и все до одного желтые. Прошла по территории, где шламовый амбар, — ни одного зеленого дерева. Я говорю: как вы рекультивацию сделали, если отсюда чувствуешь запах этой нефти? Приехала — неожиданно. Я проезжаю посты, а мне вслед в рацию говорят: «Меркушина проехала, Меркушина проехала».

— Наш округ — он очень экологически подвержен, — говорит Татьяна Павловна, выделяя каждое слово.

Новое исследование, обосновавшее необходимость изменить охранные зоны парка, — оплачивалось «Сургутнефтегазом».

— Гидрографию не изучили, мерзлоту, породы не изучили, болота не изучили, растительный и животный мир никто не изучал. Проект делали ученые — Минаева и Сирин. Они ни разу не выезжали на территорию. Наши ученые их раскатали просто. Сирин в последний раз мне уже говорит: «Татьяна Павловна, вы поймите, если мы не сделаем экспертное заключение, как просит «Сургутнефтегаз», они нам не заплатят деньги». А что вы за ученый-лесовед тогда?

Слово «ученый» Татьяна Павловна произносит веско, с самой большой буквы.

Богзи болот никого не отпустят

Деревня Нумто

Уже в дверях спрашивает нас: — Почему губернатор так давит, чтобы добывать? У нас 534 млн гектаров в округе, из них 4 млн — особо охраняемые территории. Что, места мало — 530 млн га? Давайте проще скажем: как «Газпром» — хозяин ЯНАО, так «Сургутнефтегаз» — хозяин у нас.

Лес. Стойбище

Еще час по тундре, болотам и кедрачу, и под лай собак выезжаем к зимнему стойбищу семьи Пяк. Два низких сруба без фундамента — для семей Валерия Вэковича и сына Толи; баня с врытым в землю генератором, растяжка для шкур. Но главное место занимает огород — собранная из жердей окружность, в которой фыркают, дерутся, бродят сто сорок оленей — главное богатство семьи.

Оленей было 200, но 40 ушли в позапрошлом году. Еще 20 пропали в прошлом, еще 20 задрал медведь — бездумно, бессмысленно, тела покидал на землю. Прямо тут же, на жердях висят окровавленные шкуры — «за зиму я съел их».

У домика играет Анжель (Пятнышко) с тремя щенками — белая с черными пятнами собака. При виде хозяина начинает лаять и плакать. «Есть просит», — поясняет Валерий Вэкович. Из дома выходит Наташа, дочка, идет к коробу — за рыбой. Пятнышко срывается на визг. В голосе — глубокое отчаяние.

— Она вот оленей гонит, все время так лает, — хвастается Валерий Вэкович. — А ногу я ей в прошлом году на «Буране» сломал. Она на «Буране» сидела сзади, оленей гнали мы. И между сосен поехали, а нога, видать, наружу торчала. Ветеринара нету, а так зажило бы уже через столько-то времени. У нее голос хороший, оленей хорошо гонит, за это я ее и держу. Так бы вот повесил. А она и на трех ногах бегае.

Другую, «плохую» собаку Валерий Вэкович повесил прямо перед нашим приездом.

« — Она вот оленей гонит, все время так лает, — хвастается Валерий Вэкович. — А ногу я ей в прошлом году на «Буране» сломал. У нее голос хороший, за это я ее и держу. Так бы вот повесил. Другую, «плохую» собаку Валерий Вэкович повесил прямо перед нашим приездом »

— Я щенков домой унесу, они дома кушают, — извиняющимся голосом говорит дочка Наташа.

В доме на стене — три ковра. Центральный — медведь с медведицей, кошка, дерущиеся олени. Заказывали на почте. Ковры, которые выглядят как украшение, на самом деле иконы. Выше — полка с медвежьей головой и лапами. У входа — всея из глухариных перьев, но это просто так, для красоты. Под потолком сушится одежда. На стенах — календари, конфетные упаковки, открытки с куполами.

Женщинам можно сидеть лишь по углам дома. Катерина, жена Валерия, — в фиолетовом атласном платье и в желтом платке — вытягивает пальцами белое. «Жилу делаю», — объясняет. Оленьими жилами «зашивают» кисы — длинные мягкие сапоги из шерсти оленя. Ноги оленя копят, чтобы шерсть с этих ног потом пришить к подошвам — к ней не липнет даже мокрый снег. Из шкур делают и малыши-шубы. Мясо одного оленя может две недели кормить большую семью.

Наташа «делает бисер» — расшивает полоску для тети на платье. Узор она уже придумала и расчертила на клетчатой бумаге, и теперь выбирает желтые крупные бусины. На платье у Наташи уходит где-то год. Сама она тоже в лазоревом платье, расшитом «березовыми ветками», «сердечками» и «солнышками». Швейная машинка стоит в соседнем доме.

— Муравейка подохла, все, — говорит Наташа и улыбается. — Мы голову ее нашли.

Муравейка — это личный олень Наташи.

Из всей семьи работает лишь Валерий Вэкович — старшим инспектором парка. Раз в неделю объезжает нефтяные качалки, маршруты техники и ДНС, дома других инспекторов. Нарушения записывает в общую тетрадь. Получает 15 тысяч. «Буран» и топливо для работы покупает сам. И завидует, и презирает хантов из соседнего, Сургутского района, которых нефтяники «уже давно купили вместе с их землей» — и которые теперь получают топливо и «Бураны» бесплатно. И продают независимым хантам и ненцам, и еще цены при этом задирают. «Вот Семен в гостях у нас, — Валерий Вэкович кивает головой ко второму дому. — Он даже горючки сам не купит! Кончится бочка — сидит на болоте, ждет следующую».

В соседнем доме — три медвежьих головы и люлька у потолка. В люльке гулит пятимесячная Даша. Толик, сын Валерия Вэковича, вместе с тестем Семеном вернулся с неудачной охоты. «Гоняли лису, гоняли, а она по руслу реки ушла». Толя не работает, всю его жизнь составляют охота и олени. Юля — жена Толика — быстро накрывает на стол, умудряясь при этом раскачивать люльку и подметать пол. Ее мама Тамара сидит тут же, с замотанной

Катерина

Наташа и Юля привезли воду

головой — нельзя показывать себя в присутствии зятя. По-русски она не говорит.

Двое старших Юлиных детей — трехлетний Лека и пятилетняя Лиля — носятся между домами с игрушечными пистолетами. «Русские не сдаются!» — кричит пистолет Леки. «Ждем подкреплений, командир! Кончатся патроны!» Лека не хочет умирать, Лиля сердится.

Толя выходит, стучит по «Бурану» ногой, потом берет в руки молоток. На бампере нарисован волк, рядом выведено — «Россия». Толя рисовал сам.

— Здесь болтается, здесь вообще кусок отвалился, здесь то же самое. Везде так гонять, конечно, развалится, долго не проживет. Это отец медленно ездит, не я. 240 стоит новый. Проще уж машину. Пошел на авторынок, за 100 тысяч купил. Но права нужны.

Осенью Толя собирается устраиваться в «Сургутнефтегаз» — оператором.

— Если ЛЭП достроят, будет бетонка, машину возьму, — говорит Толя.

Сургут-Ватлор-3

Дорога от Сургута до ДНС-3 занимает шесть часов. Идеальная трасса, освещен каждый сантиметр.

Ночь, но по трассе навстречу друг другу идут автобусы, ремонтные машины с решетчатыми мачтами на спине, АРОКи — грузовики с механической рукой, газовые цистерны. Из темноты вы-

плывают горы песка — песок выкачивают из маленьких озер, и озера становятся ямами в 2—3 километра глубиной. Дороги преграждают блокпосты с будками охранников, на будках — георгиевские ленты и распечатанное на принтерах: «Не воруй — ты здесь работаешь». Выезжающих и выезжающих проверяют. Дороги строят нефтяники, и принадлежат они нефтяникам. По правую и по левую сторону в темноте возникают ДНС и ГРС, напоминающие космодромы.

Водитель Юра везет нас на ДНС-3.

— Я тут как в раю, честно.

Вот поселок Сортым, где живу. Вахтовый поселок. Внучка в школу идет в этом году. В первом классе — классы до буквы «Ж». Крытый бассейн даже есть. А где я живу, два общежития рядом — и два фонтана. Для водителей два фонтана, да?

Конечно, болот много. Но своя красота есть. Вышки эти — как волшебные замки. В 10 утра солнце всходит за вышкой, и все вышки в нее, и все провода в нее, пушистые. Такая красота неопишная.

Я сам немного узнаю, интересуюсь принципом работы. ГРСки — газотурбинные станции, газ сжигают природный. Почему все освещенное — его тут море. Нефть добывают постоянно.

Я вот на днях с начальником электростанции разговоривал. 4 миллиарда оборот в месяц у него по стоимости электроэнергии. А сам простой мужчина с Башкирии

Работа, конечно, тяжелая. Но интересно, очень много интересного. Была вторая молодость — пошел бы учиться на нефтяника.

Зарплаты, если честно, хорошие. Я в Омске работал. Водитель 1-го класса автобуса, я был наставником, все доплаты мне шли. Мы работали 15 часов в день. Тоже вахты. Неделю отработал — неделю дома. Я приезжал в 5—6 утра и в 22—23 уезжал. Ну, 20 тысяч я зарабатывал максимум. Сюда я приехал — смены у меня 6-часовые. Обед обязательно. Четыре часа в дороге — обязательный перерыв, тоже машинка следит. Здесь я получаю в три раза больше.

Вот у меня сын тоже со мной работал в Омске, тоже в автобусе. Я отработал неделю — уезжаю домой, он приезжает. Так он еще выходил на подработку. Тоже 20 получал. А когда сюда попал, мне звонит: «Куда я попал! Болота! В июне приехал — тут снег в июне! Песок! Комары!» Месяц отработал, получил почти 70 тысяч. Без надбавок! Он за один месяц погасил все свои кредиты. Семью сейчас перевез. И я следом за ним.

Здесь главные лица — бурильщик, помощник бурильщика. Бурильщики — до 150 тысяч спокойно зарабатывают. И это справедливо. Труд их столько стоит. А мой труд стоит тоже дорого, не 20. Я вот не буду хвалиться. Я приехал в июне на вахту, в июле должен был ехать домой. Начальник просит: останься еще на выходную вахту. Я позвонил, согласовал. Отработал еще. И у меня вышло за месяц 115 тысяч.

Здесь очень хорошо, когда работа постоянная. Раз в два года бесплатный проезд — хоть за рубеж, хоть куда.

Конечно, есть некоторые, недовольные. Мне вот после Омска... Я здесь душой отдыхаю.

А ночи какие здесь белые! Июнь-июль. Сажу в машине, жду вахту, читаю книжку. Не поверите, даже в библиотеку записался. Начал «Сталкера» читать. И мне так нравится. Болота, приключения. Я со школы не читал. А нынче я страдаю — библиотека закрыта на месяц.

Ханты, ненцы... Ну да. Это же их территория считается. Не будет им вреда! Они ж имеют с этого всего. Льготы какие-то, цивилизация. Летом на «Буранах» ездят. По обочине песок — по песку. Не жалеют технику. Нас досматривают на постах, а им по барабану — их не досматривают. Одного поймали случайно — задвижки вез, которые трубы перекрывают. Здесь техника — все ж

оставляют, все свои, кто возьмет. А этот раздербил трубы. Потом трубу прорвет — авария, а скажут на нас. Я даже уверен, что полицию не вызвали на него. Задвижки отобрали и отпустили.

Лес

Олени — не коровы, не устает повторять Валерий Вэкович. Им сена не накопишь. Стада оленей и лесные люди существуют в симбиозе много веков. Человек заботится о них, поэтому олени приходят к дому. Олень кормит и возит, поэтому человек о нем заботится. Но они независимы и друг другу не принадлежат.

— На самом деле их пастухи — это комары. Во время оводов олени каждый день уже в 4 часа утра приходят, под окнами стоят. Ну, дымокур делаешь — костер мохом закидываешь, и он дымит. Если погода тихая, метлу в руки берешь и начинаешь разгонять. Чтобы распространиться этот дым по всем оленям. А если ты метлой не будешь мести или крылом, дым будет вверх идти. Дыма нет — олень и не придет. А осенью тебе надо рыбу поймать, заготовить, чтоб зимой сам кушал и оленей еще кормил. Все надо успевать. Если их не кормить, не заботиться о них, они тоже от человека не зависят! Они ж полудики! Им от человека ничего не надо. Просто разбредутся кто куда.

Когда рождается ребенок, ему дарят оленя. Олени есть у каждого члена семьи. Но распоряжается ими только Валерий Вэкович. «Умру — тогда хоть что. Хоть дети их зарежут и деньги на карточку закинут — мне все равно».

— Раз нефтяники сюда придут, придется их всех забивать. Негде будет выпасать. Если оленей нет — разницы мне нет, где сидеть, хоть даже на нефтекачалку любоваться.

— Если снег выпадет, а оленей нет, мне уже не по себе, — говорит Катерина. — И детки говорят — давай скорей загонять.

— Куда я пойду, мне придется в Кремль ехать, — продолжает Валерий Вэкович. — А чего делать? Путину оленей пригнать, сказать: негде им жить, придется с тобой поделиться. А он скажет: зачем мне олени, мне нефть нужна, а не олени ваши.

Огород открыт, бежишь кругом, и стадо приходит в движение. Олени шумно дышат, тех, кто тормозит, другие подгаливают безрогими лбами. Беременные важнее тяжело переступают на ножках и сомневаются — идти ли.

Наташа выгоняет стадо. Бежит за оленями, машет рукавами куртки, как большая птица. «Ай, ай! Уууу!» Олени серым, белым, бурным потоком несутся мимо нее, смотрят умными глазами, хитрят, остаются сзади. Прячутся за сугробами.

Один остается привязанным: «Обучать будут».

Наташе и оленям весело.

— Вообще проваливаюсь! Ой, важенка! Это она обратно побегала. Она рыбы хочет. Она рыбы хочет. Хитрая. Пока рыбы не дашь, не уйдет.

Самой Наташе 19 лет. Из-под платка выбиваются совсем светлые волосы, она «йенкух» — белая голова, как мама, как брат, как дети брата.

— Ата-ата-ата! Иии! Ааааа! — хлопает в ладоши. Олени порскают, но лениво, в последний момент. И совсем Наташу не боятся. Зато боятся остаться одни. Если один олень шагает вперед, остальные рано или поздно пойдут за ним. Еще немного боятся черной Наташиной куртки — вдруг медведь. Но всматриваются и успокаиваются.

— Лысый, видишь? Это у него рога отпали. Это моего братишки бык. У меня Буранчик, Яха — это по-хантыйски, Муравейка. Сегодня ее нашли, Муравейку мою, голову лишь ее нашли сегодня. Важенка, умерла которая.

Смеется.

↔ СТРАНИЦЫ 10–11

Наташа училась в интернате в селе Казым девять лет. В лес приезжала трижды в год, на каникулы. Родители говорят, Наташа в интернате совсем не плакала, а все рассматривала окна — в лесных избушках они совсем маленькие.

— В интернате было плохо. Я им говорю: домой поеду, в лес поеду — они смеются.

Однажды отец собрал документы и повез Наташу поступать на биофак.

— Ну, приехали в Сургут, побыли два дня. Я говорю: пап, как там олени без нас? Поехали домой.

ДНС № 3, Ватлорское месторождение

ДНС-3 выглядит как кусочек Норвегии. Большие дома с двухскатными крышами (каждая огорожена бортиком), яркий пластик, вычищенные дорожки, вышки, раскрашенные нарядными красками. Перед корпусами — стоечки для цветов, отведенные места для курения. В столовой — разнообразная и вкусная еда, в корпусах — объявление о летнем отдыхе: семь санаториев на выбор.

Одновременно здесь живут и работают 250 человек. Всего в «Сургутнефтегазе» работают 10 тысяч.

Саму ДНС — и общежития вокруг — начали строить в 2008 году, когда 36-й куст показал новое месторождение.

— Мы прямо напротив сидим. Самый старый куст, да. Оно же обычно так и делается. Еще нет ничего, никаких коммуникаций — но бурится скважина. Че-то показала. Две-три скважины разбурили — и в принципе все, есть смысл разрабатывать. Строят ДНСку, общежитие, вот эти все условия создают, и отсюда уже пошли дальше — хоп-хоп — бурить.

ДНС — это дожимная насосная станция. Выкачанное из земли по трубам приходит сюда, разделяется на нефть и воду — вода идет обратно к скважинам, нефть отправляется по трубопроводу на дальнейшую очистку.

Операторы курят у столовой и обсуждают Комарова, которого надо «закопать в сугроб, чтоб не выезжался и трудился, как полагается». На снегоходе подъезжает повар Руслан — у него сейчас выходной, приехал по делам. На ногах у Руслана кисы, поверх камуфляжа — костяной пояс. Его жена — хантыйка, и Руслан старается соблюдать местные обычаи. Его тут же окружают и требуют отменить выходной: «Покорми нас нормально, второй день не суп, а ужас». Руслан отмахивается и грозит приготовить жаркое из собаки.

Про конфликт вокруг озера здесь слышали, но немного, к коренным относятся вежливо-настороженно. В декабре в соседнем Ямале ненец расстрелял двух сотрудников «Газпрома», «одной пулей две головы», про это слышали все. Бытовых конфликтов стараются не допускать. За рыбалку или охоту — даже за сбор ягод, если попадешься службе безопасности, в лучшем случае заплатишь корпоративный штраф. Каждого сотрудника ДНС заставляют сдавать экзамен на знание обычаев и табу коренных народов. «Не фотографировать, не снимать, ничего не делать, — лениво перечисляет командант Алина. — Женщинам вообще лучше к ним не ходить, к женщинам там плохое отношение. А вообще это бред, конечно. Вот к нам парень-хант пришел обходчиком устраиваться, его тоже заставили экзамен сдавать. Ему вопросы задают — а он ничего не знает, мямлит. Бригадир разозлился: «Из-за тебя же учим, а сам не знаешь ничего!» Ну и выгнал.

Лес

Катерина до замужества жила на стойбище рядом с деревней Федоровка, у озера Имлор. Это — второе священное озеро на землях хантов, второй след бога Нума на земле, но его священный статус

Боги болот никого не отпустят

был официально закреплен только в 2012 году. За 30 лет до этого советская власть устроила на озере один большой лицензионный участок. «Сургутнефтегаз» продолжил добычу.

— Отец уходил с Имлора последним, в 81-м, весной, — говорит Катерина. — Все уже уехали, никого не было. Там освоение уже шло, уже факелы горели. Потом Новую Федоровку построили, там уже 9-этажки.

Отец Кати был шаманом. Об этом не особо говорят — местных шаманов в советское время арестовали почти всех, некоторых расстреляли в Тобольской тюрьме, остальные пропали в лагерях. Сейчас используется слово «хранитель». Озеро не может оставаться без хранителя, и, когда Катин отец уехал, по здешним законам на Имлор приехал Сергей Кечимов. Про него говорят: «человек без судьбы» — сидел в тюрьме по ложному обвинению, потерял жену (ее задавила техника нефтяников), метался по поселкам.

— Сейчас он это озеро защищает. Середина — это остров — хотели буровую туда прямо поставить, а он не пустил. Там у него какие-то конфликты с нефтяниками.

Конфликты — мягко сказано. Шаман Кечимов сейчас находится под судом: сотрудники «Сургутнефтегаза» обвинили его в угрозе убийством. Сам шаман говорит, что лишь застрелил собаку нефтяников, которая убежала с буровой и предположительно загрызла оленя. Потом в лесную избушку пришли полицейские с бумагой. Кечимов говорит: думая, что расписывается за смерть собаки,

взял на себя ни много ни мало — угрозу убийством. Сами нефтяники говорят, что Кечимов действительно приходил на буровую с ружьем — пьяный и с материальными претензиями. И полчаса держал заместителя управления по производству и еще 20 нефтяников на прицеле. «Нельзя местным пить, нельзя. Может, он сам и не помнит ничего. Да видео в интернете есть».

Видео действительно есть. Качество низкое, лица людей не разглядеть. Мужик в камуфляжных штанах уверенно и спокойно держит под прицелом человека в костюме, замершего у «Инфинити». Этот вооруженный мужик кажется трезвым. Кричит: «Уйди! Нашу землю почему трогаешь? Уйди на хрен, живой, по добру!»

Белоярский. Администрация

Любовь Альфредовна Малышкина, начальница управления экологической безопасности и природопользования «Сургутнефтегаза», приехала в Белоярский на слушания. Во главе целой делегации из заместителей, специалистов по взаимодействию с коренными жителями, а также ученых. После слушаний она улетит обратно в Сургут, а оттуда поедет в Ханты-Мансийск — вести прием граждан. Уже 10 лет она депутат «Единой России» в парламенте округа. В «Сургутнефтегазе» она работает с 79-го года, приехала из Тобольска сразу после института.

У нее жесткое волевое лицо, которое она умело смягчает улыбкой. Она больше похожа на американского политика,

проходящего через постоянное сито праймериз и прессы, чем на отечественную бизнесвумен. Говорит тихо и как бы растерянно, голос — душевный и доверительный, но взгляд остается внимательным. Ее зарплата — одна из самых высоких в компании, а пост — самый ответственный. В Сети лежит ее декларация депутата, за 2014 год она заработала 14 миллионов рублей.

Она легко признает довольно болезненные для компании факты — три разлива на территории парка — в 2007 и 2011 годах. Легко признает, что новое зонирование парка оплачивала нефтянка, «по поручению департамента экологии, конечно». Сетует, что, когда парк создавали, с нефтяниками «не договаривались»: «С нами, с владельцами лицензионного участка, это зонирование не было согласовано, к сожалению».

Из разговора с Малышкиной выходит, что в истории противостояния местных и нефтяников «Сургутнефтегаз» — безусловная жертва. «Мы не можем уже 15 лет реализовать ту задачу, которая стоит по лицензионным соглашениям», — говорит она. При этом ценность новых скважин, за которые идет война, с ее слов, небольшая: «Там нет вот такой огромной залежи нефти. Конечно, если бы был там второй Самотлор (самое крупное месторождение в России. — Е.К.), хорошо бы было. Все геологи ХМАО мечтали бы об этом. Но, к сожалению, этого нет. Там пятнышками идут те ловушки, которые содержат нефть в промышленных запасах».

Спрашиваю, думали ли отказаться от этого лицензионного соглашения? Любовь Альфредовну заметно передергивает:

« Наши люди думали, что детей насовсем забирают, навечно. Как оленей. Им объясняют, а они по-русски не понимают. Учительницу привязали за волосы сзади нарты и давай на оленях катать, а она сзади по земле тащится, пока скаल्प не спал

«Нет, от лицензионного соглашения не отказывается никто. Найдено месторождение, вложены деньги, инфраструктура есть, вовсю ведется добыча».

Малышкина рассказывает мне про нелегкий быт жителей деревни Нумто: люди живут без постоянного электричества, «можно сказать, при лучине», у них нет и питьевой воды, нет скважин. Зато от нефтянки они теперь получили и фельдшерско-акушерский пункт, и магазин, и даже клуб. И количество коренных растет, и притом растет такими темпами, «которые говорят как раз об отличных условиях». И это именно нефтегазовый комплекс помог, у него есть средства — в том числе поддерживать и их традиционный уклад.

— Вот Василий Пяк — мы разговаривали с ним, и очень даже хорошо. Он сказал: «Я тут теряю, так нельзя». Его стойбище перенесли на новое место, куда он указал. Компенсировали стоимость работы, выделили стройматериал. Вот Кечимов жалуетса на «Сургутнефтегаз» и поднимает вопрос про священное озеро Имлор... Но то, что оно священное, установлено только в 2012 году! А там 30 лет добыча ведется. Мы же с ним разговаривали, мы сделали все так, как он сказал. Одному коренному жителю нужна вот такая мера, другому коренному жителю — другая. Приходится с каждым искать компромисс. Мы огораживаем на кусте все траншеи, все емкости, чтобы, не дай бог, олень не упал туда...

По мнению Любови Альфредовны, конфликт вокруг добычи в Нумто — искусственный и раздут «Гринписом»: «Коренному жителю сказали, что все будет плохо сейчас, если изменят, и он, естественно, говорит: «Нет. Я против, я не хочу

изменений. Мне страшно». Хотя современные технологии позволяют развивать добычу, сохраняя при этом традиционный образ жизни местных. «Я в Канаде была в национальном парке. Там дорогами все испещрено. Возят туристов, показывают. И куропатки сидят вдоль дорог, и лоси вот прямо рядом — бой самцов ради лосихи мы наблюдали сами. Никому инфраструктура эта не мешает. Она даже позволяет управлять территорией. Вот не было у тебя ничего, только вертолетом все. И появилась дорога, люди могут выехать, могут попасть в больницы. Дороги — это благо, которое коренные жители понимают. Но люди уже запуганы...»

Спрашиваю Малышкину, верит ли она, что озеро действительно священное. «Однозначно верю. Мало того, мы совершенно точно это знаем. Но добыча его самого, озера, даже не коснется».

Лес

Самое крупное в истории хантов и ненцев восстание происходило тут же, в этих же лесах, и получило название Казымского. В царское время местные ненцы и ханты с русскими практически не пересекались — с тех пор как Ермак добрался до севера, платили оброк пушниной и в города не выезжали. Но в 30-м году большевики решили строить прямо в лесу культбазу, чтобы просвещать темный туземный народ. Следом — лишили права голоса шаманов и кулаков, «назначили ясак» — сбор рыбы, пушного зверя. Затем — отобрали оленей, а детей принудительно забрали в свежестроенный интернат. У сопротивляющихся

новым порядком отбирали ружья, что в условиях леса значило смерть от голода или от зверя. Затем власти решили начать промышленный вылов рыбы на священном озере Нумто.

Восстание началось с камлания шамана. Осенью 33-го в лесном святилище Лунх-Хоть секретно собрались 30 казымских хантов. Шаманы Молдановы принесли от Нума весть, что скоро на смену советской власти снова придет власть царская.

Советская власть, не ведающая об известии от Нума, продолжала отсылать в леса делегации переговорщиков. Когда очередная группа из пяти человек прибыла в деревню, их схватили. Ханты и ненцы составили требования к новой власти — снизить налоги, насильно не собирать детей в школу-интернат, отпустить четырех прежде арестованных кулаков. На выполнение требований давали месяц — письмо отправили с гонцами. Избитых и связанных заложников затащили в чум, вновь начался обряд гадания «на топоре». И бог потребовал смерти русских. Русских посадили на нарты, обвезли вокруг священной сопки и задушили веревками.

В леса были направлены бойцы ОГПУ: началась полномасштабная зачистка. Сохранились документы, требующие обмундировать чекистов кисами — иначе передвигаться было невозможно. Вообще зачистить местные леса и болота оказалось непросто. Люди вспоминают, что из-за отсутствия дорог советская власть активно использовала аэропланы и бомбы. В аэропланы стреляли из ружей. По официальным данным, было арестовано 88 человек. Идейные вдохновители восстания разом погибли в тюрьме от сердечного приступа, 11 человек было расстреляно, остальные поехали в лагерь.

Валерий Вэкович, как и все здесь, — потомок выживших. Рассказывает:

— В 35—37-м году восстание, что ли, было. Вот на верховье реки Казым ненцы соединились и с красноармейцами воевали. Моему отцу было 11 лет тогда. 11-летний — не ребенок, а мужик. Он в атаку не ходил. У каждого ненца тогда оленей было! У отца оленей было 300 голов. Им оставили 30. А 270 — это государству, государственные

олени считаются. А я, говорит, туда просто смотрел и плакал. Что я мог сделать? Так и увели оленей. Они детей в школу собирали. Наши люди думали, что детей насовсем забирают, навечно. Как оленей. Тут просто их спровоцировали, и все. Им объясняют, а они по-русски не понимают. Учительницу привязали за волосы сзади нарты и давай на оленях катать, а она сзади по земле тащится, пока скаल्प не спал.

А потом настала советская власть. На месте вольных оленьих стад и лесных угодий создали колхоз, затем совхоз — и 11 оленеводческих бригад выпасали оленей — бывших своих, теперь — государственных. К учету отобранных оленей власть подходила очень строго.

— Раз пять человек, пять братьев — как-то мне мать говорила — охотились за озером Нумто, на севере. Там государственные стада оленей были. Несколько оленей отбились и к ним попали. А после войны было. Все голодные. И они забили этих оленей. То ли пять, то ли шесть пропало. И потом пастухи поймали этих братьев. Предали суду. Их всех забрали и бесследно исчезли их. Ну, за пять оленей! Ну, пусть под два оленя вернут государству, зачем исчезать целого человека из-за одного оленя!

3 июня 1960 года бригада бурового мастера Семена Урсова нашла нефть в районе поселка Шайм. «Скважина фонтанирует, — телеграфировал в Москву начальник экспедиции Шалавин. — Точный дебит определить невозможно».

И приоритеты «власти русских» менялись. Олени их перестали интересоваться.

Ханты-Мансийск

Бар Soho lounge, самый приятный в Ханты-Мансийске. Отдельным кружком бухают нефтяники — в спортивных пуховиках поверх костюмов, кирпичи спутниковых телефонов лежат рядом с тонкими айфонами.

— Скажешь, что оно божественное — заплатят больше. Вот и все.

— Я «Сургутнефтегазу» сочувствую. Местные — это ***.

← СТРАНИЦЫ 12–13

— **О**ни язычники и всегда были язычниками. У них каждое озеро — священное, понимаешь, в чем фишка? А в 90-е было еще веселей. Они в Тазовском районе по шинам стреляли. Браконьеров запутывали в сетях и оставляли в речках, и это не считалось убийством. Ты идешь по лесу, думаешь — он ничей, а он ихний. Но это не повод убивать людей.

— Они играют в дикарей. А посмотрите, что у них за чумами. «Ямаха», «Хонда», телевизор, айпады заряжают. Это в 90-е с ними договаривались за деньги, за алкоголь. Деньги им уже не нужны, они хотят другого. Они неплохими бизнесменами стали за 20 лет.

— А если торги начинают — это не религия, это коммерция. А значит, можно выбить хорошую скидку. У нас тоже есть сотрудники-ханты хорошие, ребята работали, на переговоры по стойбищам ездили.

— Я с 92-го года работаю. Договариваться получалось везде. Полгода-год. Сценарий там всегда один. Бизнес скажет — 100 миллионов, хант скажет — 300. Палец в нос засунет, мозг себе почешет и скажет через год: «Давайте 100» — но бизнес уже неинтересно. И сговорятся на 50.

— Бизнес — это как снежный ком. Он должен катиться, иначе рассыплется. Он больше и больше души потребляет, больше денег. Если остановится, начнет таять.

— Надо смотреть, на что ориентируется государство. Ненец хочет поклониться озеру своему, но если под этим озером 300 миллионов тонн нефти? И миллион тонн газа. И можно дать что-то Воронежу, где нефти нет.

Лес

Катерина и Валерий ровесники, им по 59 лет. Женаты 40 лет. Валерий привез Катерину из Федоровки, за 300 километров. До свадьбы они были незнакомы.

— Туда я приехал, она мне понравилась, я ей, наверное, понравился, и она сразу замуж вышла. Ханты было к ней сватались — она не хочет выходить. Потом ненец появился, она сразу села в мою нарту.

Катя смеется.

Сватовство происходило в 75-м году.

— Я уже понимал, что я еду туда, в Сургутский район. Именно свататься. С бабушкой покойной ехал. Наши девушки тут хотя были, но наши так, не сильно. Нетрудолюбивые немножко.

У хантов и ненцев понятия о женской красоте нет. Невеста должна быть трудолюбивой и здоровой. Трудолюбие невесты показывает ее одежда. Трудолюбие, а значит — красоту замужней женщины, показывает одежда ее семьи. Поэтому сейчас Катя шьет и шьет кисы для Наташи, разравнивая зубами непослушный шов. Кисы для Валеры уже готовы.

— Шиться и то не умеют, — говорит Валера про местных женщин. — А сургутские лесную работу всю понимают. Но так и у них сейчас пошло. А наши уже тогда лесной работы не хотели, потому что они, когда учатся, уже замуж за русских стараются выходить. В лесу работать надо. Дрова колоть надо, все надо делать. Уже не хотят! Так-то.

— Когда у меня мать умерла, мне 12 лет было, — говорит Катя. — Сестренка осталась еще, семь лет. И нас отец учил всему. И дома как что делать, и шиться, и шкуры выделывать учил, и как оленей держать, как собирать — все он учил нас.

— А сейчас в деревне у нас вместо того, чтобы шиться, они кино-телевизор смотрят, — говорит Валера. — Зачем? Это уже цивилизация.

Входит Юлия, просит «шант».

— Какой шант? На болоте шант, — говорит Катя.

Шантом ненцы называют ягель, иногда и муку. Юлия, оказывается, перепутала слово — просила макароны. Забирает кулек, уходит. Катя цокает под нос. «Я, когда первый раз сюда приехала,

Бозы болот никого не отпустят

Валерий Вэкович осматривает нефтяную скважину

по-ненецки вообще не понимала. Через полгода уже говорила. Юлия — четыре года будет, по-ненецки только отдельные слова понимает. Не может выучить!»

Юлю — жену сына Толика — не любят. Про это в семье стараются не говорить. Во-первых, неумеха: кисы шить учи ее, хлеб печь учи ее. Во-вторых — никак не может выучить ненецкий. В-третьих — досталась уже с ребенком, после первого замужества.

— И Толик так же, как я, женился. Поехали в Рускинские, сосватались, забрали ее. Они встречались так-то. Когда маленькие были, они друг друга знали. Юлия — Катиной сестры внучка. Они так-то двоюродные друг другу.

— Я говорю — вы согласны или нет? — вспоминает Катерина. — Чтоб она поехала с нами. Мы свататься приехали. Нет так нет, обижаться не собираемся. Если они согласные, они уже отдадут. Если она несогласная, она отцу сразу скажет — я не выйду замуж! Мы б уехали. Поехали бы дальше к соседям.

Юля в момент сватовства лежала с маленькой Лилей в больнице. Когда вернулись, ее родители уже «выпили» со сватами — договор был заключен.

— Это пока сохраняется все. Поколению от поколения передается, — говорит Валерий Вэкович. — Если цивилизация — конечно, уже все смешается. Сейчас уже — тут и русский жених, тут и хохол. За 15–20 лет смешалось все. А раньше и дорог-то не было, какое замуж.

Юля относит макароны и уходит колоть дрова — это женская обязанность. Важно заготовить дрова на все четыре дома семьи, разбросанных по лесам: зимний, осенний, летний и дом в Нумто. Скоро снег растает,

Оленьи гонки были, думаю, схожу посмотрю. На крыльцо только вышла — блин, сразу ножевое. Вот забегали, вертолет прилетел, отправили в город. Так и на праздник не сходила

и почти до осени нельзя будет проехать ни на «Буранах», ни на оленях. Если сейчас не заготовить дрова, придется мерзнуть. За дровами уезжают в лес, меня не берут. «Русский» закон требует от ненцев вырубать дрова делянками. Для лесных людей дико вырубать сплошной участок леса, поэтому деревья рубят выборочно, желательнее — сухие, желательнее — чтобы дерево при падении не повредило даже подлеска. Две недели назад за незаконную рубку посадили двух братьев в соседнем Сургутском районе.

Деревня Нумто

На окраине заметенная снегом вертолетная площадка — выложенный из дерева круг. Вторник — вертолетный день. Вертолет привозит продукты и пенсии, забирает тех, кому нужно в город.

Единственная улица идет прямо к озеру. Озеро — бесконечное белое просторство. К деревне Нумто приписано 220 жителей. Но домов всего 70, из них постоянно жилые — 18–19. Остальные живут в лесах. Дома разномастные, сов-

сем разных эпох — свежие постройки из пиломатериала нефтяников, щитовые домики, старые, разрушающиеся «лесные» землянки. Мелькают как мираж и типичнейшие срубы средней полосы. Местные говорят, их построили русские лагерники, которых перед войной ненадолго «пригоняли» в поселок. Сами ханты строить дома не умели.

В поселок вместе с нами въезжает другая лесная семья. Мужчины в камуфляже, подпоясанные ножами, и завернутый в одеяло и шкуру ребенок. Ребенок заболел, его по зимнику повезут в Сургут. Всего по стойбищам 35 детей, в деревне 27. Дети здесь считаются детьми только до шести лет — дальше интернат, «и они уже не наши».

Раньше в Нумто был приемный пункт рыбы, звероферма (разводили лис и соболей), совхоз с лошадьми, столовая, интернат и начальная школа. Теперь не осталось ничего. Девяностые здесь объясняют так: Казымская богиня перешла озеро и стерла советские следы.

Священность места не чувствуется совсем. Язычникам не нужно ни храмов,

Толик гонит оленей

Валерий Вэкович
и Катерина

ни икон. Два раза в месяц в Нумто приезжает «поп-миссионер». Покрестить аборигенов. Аборигены охотно крестятся. Христа называют «русский бог» и очень уважают: «Бог христианский — он может воевать под землей, с чертиком, а наши боги не могут. И он всегда воскресает».

Магазин — центр жизни деревни — выглядит как крепость, все окна забраны решетками. Работает три часа, но вообще продавщицу можно звать в любое время дня и ночи. Продукты завозят на вертолете, по 200 кг за раз — яйцо, лук, картофель. Галина, продавщица магазина, 28 лет в торговле и в деревне, говорит: «Я калькуляторам не верю, верю в счеты». Под локтем — расчетная тетрадь: сейчас ей должны 170 тысяч. Магазин входит в Роспотребсоюз, заказать можно все. «Продукты, памперсы, диваны. Мебель вся — есть кухонный гарнитур, электроника, хоть морозильная камера».

«Алкоголь — я не беруся. Можно пиво. Но я не беруся», — говорит Галина.

Рядом с магазином — клуб: изба на печном отоплении. Вокруг клуба уже за-

лит фундамент — клуб будут расширять силами «Сургутнефтегаза».

То, что скважины движутся к озеру, тут, конечно, знают. Но основная претензия к нефтяникам — до сих пор не протянули электричество. Все село питается от генератора. Генератор работает девять часов в день, а когда дизелист запивает, не работает вообще. Поэтому холодильники стараются покупать большие — чтоб не успевали оттаивать.

Медсестру Элю из поселка Казым направили сюда по распределению — полтора года назад, сразу после декрета. «Никто не хотел ехать, говорили, что деревня самая криминальная. Тоже страшно было сначала. Потом уже привыкла». Недавно вся деревня массово закодировалась, и «вообще теперь тишина».

— Поначалу, конечно, было страшно. Все эти ножевые... Тем более если ночью, света же нету. Фонарик держишь и зашиваешь. Зашила, на крышу лезешь — вертолет звать, связь же тоже не везде ловит тут.

За пациентами Эле приходится побегать: «Народ, кто лесной, кто в деревню приезжает — не проходят флюорографию, все заставляешь их. Летают в город по своим делам — а пять минут на флюорографию не могут задержаться! И с прививками... Редко когда там с ребенком приедут. Вот вылавливаешь, стараешься поставить. А с города звонят: «Вот, если не поставите, вплоть до увольнения. Хоть на «Буране» в лес едьте». Говорю: «Ага, дали бы мне «Буран», бензин, чтобы я ехала. Еще знать бы, в какую сторону ехать».

Самое опасное время — оленьи гонки. Гонки проводятся на озере, километровая дистанция, у финиша нарты сталкиваются, и часто получается месиво. Главные призы опытным оленеводам — «Бураны», моторы, та самая «цивилизация». В соседнем Сургутском районе призы еще лучше — можно выиграть дорожный «длинный буран», и сейчас Толик тренирует оленя, собирается в поездку.

Но гонки опасны не из-за травм. Национальный праздник, который спонсирует тот же «Сургутнефтегаз», превращается в страшную пьянку. Семь

лет назад у Валерия Вэковича в Нумто убили племянника: «С утра выхожу, а он мерзлый у колодца лежит. Его раздели, на «Буране» катали, а потом через забор перебросили». Теперь оленьи гонки проводят только раз в два года, и Эле стало проще работать.

— Всего два ножевых и огнестрельное одно за полтора года. Ну, оленьи гонки были, думаю, схожу посмотрю. На крыльцо только вышла блин, сразу ножевое. Вот забегали, вертолет прилетел, отправили в город. Так и на праздник не сходила.

Лес

— Вот я первый год училась в Русскинских, потом в Лямине, потом в поселке нефтяников. Доучилась четыре класса, до конца июня. И родители написали заявление, что я дома работать буду, маме помогать. Чтoб традиционный образ жизни вела... Но с родителями мало пожила, в 16 замуж вышла. Отдали меня. Не знала его совсем, не знала, откуда он.

За первым мужем была. Он водку пил сильно. Я за ним всегда ухаживала, за ним всегда ходила, где он пьянствует. Когда все надоело, я обратно приехала. В Русскинские из Сургута, потом домой. А когда у меня Лиля родилась, после этого с Толиком познакомились. Ну, как познакомилась... Замуж выдали.

В бане — стиральная машинка в виде бака, приданое Юли. Юля пользуется ею прямо сейчас — заливает горячую воду, стирает детские кофточки, мужские майки. Достает косу из-под платка, мылит голову. Ее движения быстры, экономны и неосознанно осторожны. Зачерпнув воды из бака, она тут же доликает туда новой, немедленно стирает брызги пены с пола, застирывает испачкавшееся полотенце. Все должно быть так, как будто Юля сюда и не ходила.

— Прожили полгода. Он пришел из леса, у меня не была готова еда. И он меня побил. Вот ремень лежит, видишь? Цепи, бляшки костяные, им и бил. Лилю из дома выгнал, а был октябрь. Она снаружи плакала. Мне как в наказание не пускал ее в тепло.

Я упала, встать не могла уже. Его родителям пришлось меня везти в Нумто. Говорят: покажи только ногу. Скажи, что дрова колола и чурбак отлетел. Не знаю, поверили ли. У меня вся спина синяя была, но я надела свитер. В ногу ставили уколы. Потом он не бил меня, а потом опять. Теперь я старюсь все вовремя готовить, все убирать, не раздражать ничем.

Куда мне уходить? К кому? Мой отец бьет мою мать. Всегда бил. Вику — сестру Толика — сейчас избил ее муж. Избил очень сильно. Операцию делали, потому что у нее лопнула печень. Она выжила. На шею синяки страшные. Но она хочет уходить от него, говорит: надоело, хватит мучиться. Она говорит брату, чтоб он не бил меня, но все равно. Родители его знают, конечно, но для них это нормально, он имеет право, он мой муж. Наругали его только, когда он меня работавать отправил, когда я Дашкой беременная была. Волочила бревно, надорвалась, думала, потеряю Дашу. Но ничего.

Толик сказал, если я попробую уйти, он застрелит меня.

Мне 22 года, у меня трое детей, я четыре года замужем. Я бы хотела учиться — очень, хотела работать — поваром. Но нет шансов переменить судьбу. Я неграмотная. Меня возят в Белоярский подписывать документы — а я не знаю даже, о чем речь. Все пособия оформлены на Толю. Младшую Дашу даже хотели на Толиных родителей переписать, что она и не моя, но у них не получилось. У меня и денег на руках нет. И маму я не оставлю. Хоть говорю ей: «Зачем ты меня из школы забрала?»

Уходя, Юля подбрасывает дров и тщательно отмывает пол.

← СТРАНИЦА 14–15

Белоярский. Слушания

Мест нет. Люди стоят в дверях и в проходах. Коренных и русских примерно поровну. Из Нумто большинство прилетели еще в «вертолетный день». Те, кто не попал на борт, добирались восемь часов на «Буранах», по заснеженному руслу реки. Все — в самых нарядных малицах, только подростки из Казымского интерната в джинсах и футболках. Шаман Кечимов, которого судят за попытку прогнать нефтяников с ружьем в руках, тоже приехал и сидит неподвижно. Выглядит почти светски — в сером костюме, очки в тонкой золотой оправе, длинные волосы забраны в аккуратный хвост.

Здесь же — чиновники администрации, сотрудники парка. Дорогие костюмы. Жарко. На стенах развешены цветные диаграммы — варианты зонирования. Главный вариант — вариант В, увеличивающий площадь освоения парка с 62 до 80%.

Начинает Евгений Петрович Платонов, начальник департамента экологии и мятежной Меркушиной. Меркушина тут же — смотрит на него и вежливо улыбается.

— Данный вопрос — он плановый, — обращается Платонов в набитый людьми зал. — Он не терпит стихийности, суеты. Мы нашли форму совместной деятельности, когда можно даже в условиях полной освоенности все-таки сохранить жизнедеятельность на территории...

Его поддерживает Татьяна Юрьевна Минаева, ученый, разрабатывавший концепцию изменений охранных зон:

— Лицензионные участки — это каркас парка, с ними надо смириться. Можно отработать передовые технологии...

Слово берет и директор парка Сергей Юрьевич Лавренев. Он подтянут и бледен.

— Будет выбита основа независимости коренного населения, — чеканит он. — Сейчас они чувствуют себя независимыми, живут в согласии с природой. Вот в последнюю минуту пришло письмо. Два доктора наук МГУ, Евсеев и Красовская: «В новой фазе общественного развития в центре стоит человек, ориентированный на экологические и гуманитарные перспективы...»

Толстый нефтяник постукивает пустой бутылкой. Говорит соседу:

— Ты понял? Они независимые. Не давать им больше ни «Буранов», ни газовок.

— Угу, и моторные лодки! Моторы!

Электрогенераторы!

Малышкина начала с цифр: — За время работы на территории природного парка Нумто компания инвестировала в экономику Белоярского района 21,7 млрд рублей, при этом добыто 4 млн тонн нефти. Только в прошедшем году в бюджет округа «Сургутнефтегаз» уплатил 85 млрд 604 млн рублей, что без малого составляет 40% бюджета. В каждом рубле округа — 40 копеек, заработанных «Сургутнефтегазом».

На этом слушания, в общем, можно было заканчивать, но они продолжились.

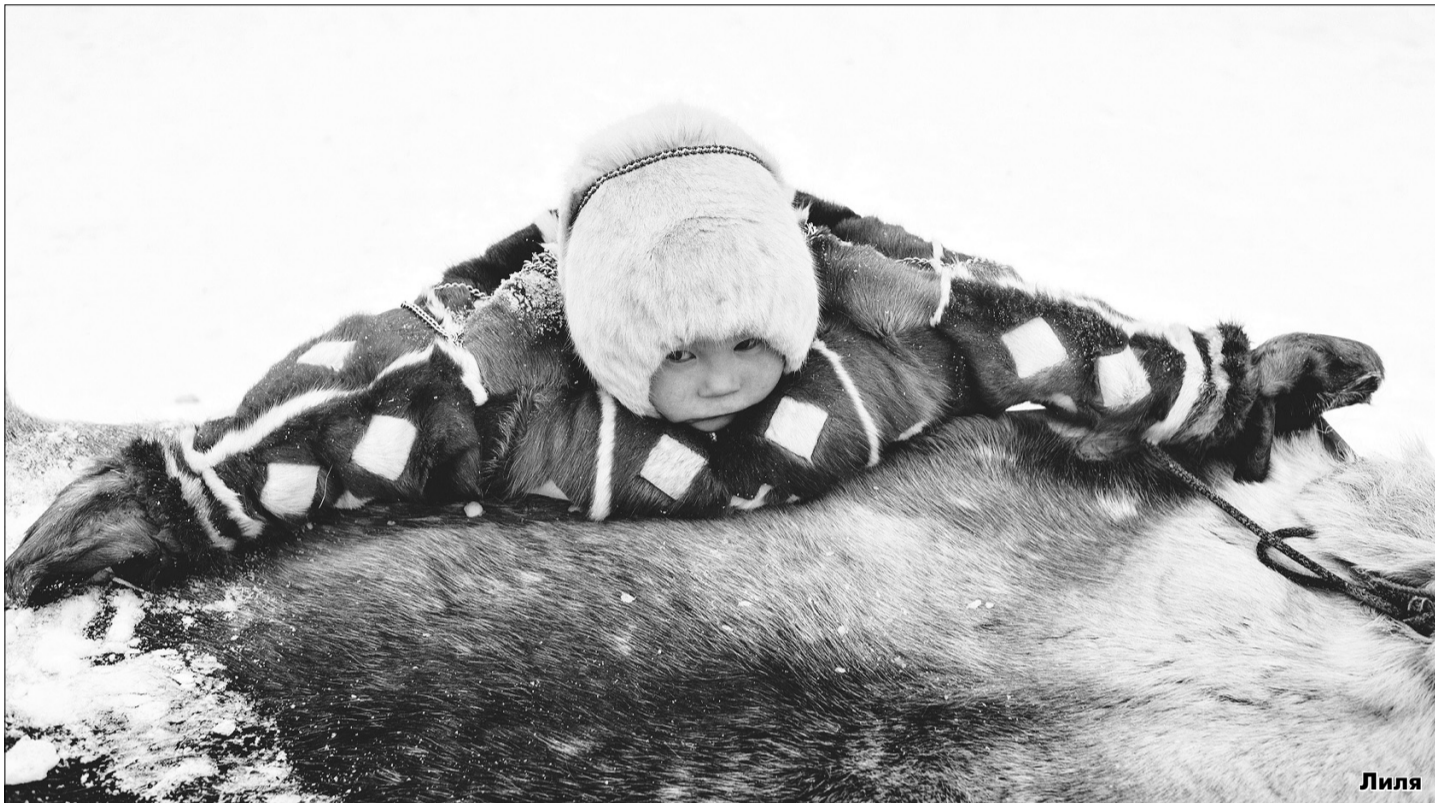
Выступила и Татьяна Павловна Меркушина — как частное лицо. Объявила, никого не удивив, что исследование ученых «является односторонним, преследующим интересы и приоритеты прежде всего «Сургутнефтегаза». Ей никто не мешал.

Встал шаман Кечимов:

— Да-да. Я Кечимов Сергей Васильевич. Живу с шестого года у Рускинского месторождения. Охраняю Имлор. Вот. Тут говорит человек (*шаман кивнул на Малышкину*): «Мы чисто работаем, культурно». Нет. Я живу в нефти. Вот сейчас посмотрели бы фотки, как они нефть льют. Товарищи мои! Остановите их! Чтобы на Нумто они не прошли. Они просто людей обманывают. Сейчас у меня на территориях негде жить. Оленей негде выпасать. Они вокруг озера, даже на озере буровые стоят. Это культурные люди такие?

Начали говорить местные: — Меня зовут Молданова Надежда Анатольевна, — поднялась молодая

Богги болот никого не отпустят

Лиля

девушка. — Я общественный деятель и хотела бы... Я родом из деревни Юильск, у меня родственники проживают в деревне Нумто. Я хочу попросить «Сургутнефтегаз» оставить для молодежи все-таки эти территории. Мы не можем заставить наших детей собирать морошку среди нефти, которую вы разливаете.

— Мы исторически тут жили, вы что, хотите нас выгнать? — кричат из зала.

Обстановку разрядило выступление Николая Андреевича Аветова, биолога из МГУ: «Важно подчеркнуть крайне незначительную степень отчуждения нефтедобывающим комплексом площадей потенциального произрастания ситника стигийского... Ситнику ничего не угрожает! А единственная находка краснокнижного мха — псилопиума вогнутолистного — произошла на зарастающей площадке 4727...»

Вслед за ботаником поднялась маленькая хантыйка в сером костюме:

— Я Лягкова Анастасия Иосифовна, организация «Спасение Югры». Хочу сказать немножечко в защиту «Сургутнефтегаза». Мы сегодня с вами в современном мире. Не хотим отказаться от цивилизации. Не хотим отказаться от хорошего транспорта, от какой-то близости к нам цивилизованного мира. А они берут на работу наших молодых людей, детей тех, кто выступал, дают им возможность заработать — кушать-то всем хочется. Я сегодня была на предварительной встрече «Сургутнефтегаза» с местными жителями. Я даже, знаете, удивилась, что они знают коренных по имени-отчеству! (*Фырканы в зале.*) Надо не совсем нам отторгать!

— Сергей Данилович, из охраны парка Нумто. Да все равно люди будут ездить. Цивилизация продвигается. Компьютеры, интернет. Это государственная машина, ее не остановишь. Сегодня стране нужны деньги. Аденьги — это нефть и газ. Все хорошенько подумайте.

— Айпин Александр, член молодежной организации обско-угорских народов. Я также являюсь оленеводом — в Нижневартовском районе. Тут говорил Сергей Кечимов. У него есть фотки с Имлора, давайте их покажем. Кто «за», чтоб показать?

Зал поднимает руки.

— «За» проголосовали три человека, — говорит председатель. — Я так понимаю, что речь идет не о Нумто. И большинства, которое желало бы посмотреть фотки, я не увидел.

— Твари, — тихо говорит женщина рядом со мной.

— Я благодарен, что всех выслушали, — подводит итог ведущий. — Мы не принимаем никакого решения. Впереди государственная экспертиза.

В конце слушаний председатель объявляет: «Приказом Министерства природных ресурсов и экологии Российской Федерации за №829 от 10 декабря 2015 года награждается нагрудным знаком «Отличник охраны природы» Меркушина Татьяна Павловна».

Зал аплодирует. Раскрасневшаяся Татьяна Павловна выходит и расцеловывается с главой района. Громче всех аплодируют нефтяники и Платонов.

— Я, конечно, очень удивлена...

— А мы нет!

В качестве «имениницы» Татьяна Павловна просит занести в протокол «необходимость этнологической экспертизы»: «И чтоб она состояла из коренных народов нашего округа и, в частности, которые проживают на территории Нумто. Специалисты там есть».

Вечером директор парка Сергей Леонидович Лавренев пьет коньяк с инспекторами в пустом здании заповедника. Фиолетовый галстук сбился на плечо.

— Хорошо, что этнографическую экспертизу продавили. Я завтра ученым позвоню. Мы свой проект зонирования сделаем, сами! Еще поборемся. Еще поборемся!

Взял гитару, затянул: «Виденья видали ночные у паперти северных гор, качали мы звезды лесные на темных глазищах озер». Инспектора подпевали.

Ханты и ненцы разошлись ночевать по родственникам, чтоб завтра выехать на «Буранах» вглубь леса, по заметному руслу реки.

Толик в Рускинский на гонки так и не поехал, призовые «Бураны» разыграли без него. Через неделю он забрал Юлю на день рождения к двоюродному брату. Праздник не задался, и ее избил втроем — Толик, его двоюродный брат и Юлина двоюродная сестра. Потом Толик попытался ее задушить.

Юля позвонила из леса, в шесть часов утра. Говорит: «Горло болит». Она дождалась, пока Толик заснет, укуталась в малицу, взяла Дашу на руки, а пятилетняя Лиля шла за ней. Ее телефон оказался разбит, и она, уходя, прихватила трубку Толика. Она шла между болот и пыталась дозвониться до отца. Шел снег и скрывал ее следы. Оказалось, у отца недостаточно бензина, чтобы ее забрать. Мороз был -25. «Я боюсь, что я замерзну тут с девочками», — говорила Юля. Ей нужно было пройти 11 километров до дороги и попытаться поймать рейсовый автобус с нефтяниками.

Я звонила нефтяникам, которые могли оказаться рядом. «Да вы не нервничайте, — говорили мне нефтяники по телефону. — Это традиционная ситуация, и народ традиционный. Она дойдет».

Через два часа отец нашел запрятанную канистру с топливом и привез Юлю на родительское стойбище.

Через три дня приехал Толик и забрал ее обратно.

**Елена КОСТЮЧЕНКО,
Юрий КОЗЫРЕВ (фото),
«Новой»,**

Ханты-Мансийск — Белоярский —
Сургут — Ватлор-3 — деревня Нумто

Село Столбово ищет доктора

В марте в алтайском селе Столбово умерла терапевт, от которой зависели 3 тысячи пациентов и больница с 20 сотрудниками. Другого врача район не нашел, из-за чего в апреле закрылся стационар и скоро может закрыться амбулатория. Местных жителей, по их собственным словам, власти «внесли в графу неэффективных расходов».

Галина Носова — единственный терапевт Столбовской участковой больницы. На 11 населенных пунктов, из которых в клинику с разными хворями едут маленькие и большие пациенты, она одна: кого в палату определит — капельницу, уколы назначит, кому лекарства выпишет, на больничный отправит. Определяла, назначала, отправляла...

Говорят, удивительным врачом была — точный диагноз могла без УЗИ поставить, никогда не ошибалась. Ушла в 62 года — скончалась от инфаркта. Район тут же приостановил работу стационара.

«Галина Васильевна заведовала больницей. Других докторов у нас нет, только фельдшер, акушерка и младший медперсонал. Всего 20 человек, — объясняет медсестра Елена Рехнер. — Лечить людей на месте без терапевта и руководителя не имеем права, должны посылать их в районную клинику. А из Столбова в Камень-на-Оби не наездишься: село стоит на правом берегу реки, город — на левом. Бабулек, детей и рожениц надо перевозить в лодках. Мы тут без моста живем».

Каменская центральная районная больница объявила в газетах и социальных сетях, что ищет врача общей практики. Власти пообещали предоставить служебную квартиру, включить в программу «Земский доктор» и выплатить миллион рублей подъемных. Никто не откликнулся. Девочки-интерны, приезжавшие в алтайское село на две недели, уехали без обещаний вернуться. От отчаяния, когда закрылся стационар, сотрудники клиники сами обратились к землякам в интернет-сообществах: «Помогите найти врача! Срочно! Гарантируется достойная заработная плата».

«Да уж, достойная, оклад четыре с половиной тысячи рублей в месяц. Со всеми надбавками набежит не больше 10–11 тысяч, — суммирует фельдшер Елена Карасева. — При нынешних ценах и тарифах это, конечно, не деньги, но женщины справляются. Огород, хозяйство... У кого есть руки, не голодают. Работу бы еще не потерять. Если закроют амбулаторию, уволенным придется искать вакансии по всему району. Пока на наши сигналы SOS никто не откликается. Для молодежи мы — глухомань, для опытных врачей — риск. Кто по доброй воле поедет в село, откуда три-четыре месяца в году нельзя выбраться?»

«Осенью и весной дороги в районный центр нет. Паромная переправа не работает, вертолеты не летают. На охраняемый военными железнодорожный мост местных жителей не пускают, — рассказывает акушерка Светлана Луцкова. — Зимой по льду катаемся, летом платим за паромный переезд с машиной 300 рублей. До прошлого года был катер — «Мошка», теперь, чтобы перевезти больных, звоним спасателям и берем обычные лодки. Бабушки трясутся, боятся их перевернуть, доски на береговой площадке шатаются. Не каждая захочет ехать».

По словам завуча Столбовской школы Ирины Хоренко, после закрытия стационара у ее односельчан возникли серьезные проблемы с медицинским обслуживанием.

АНТОНИНА ЗЕМЛЯНСКАЯ

В провинции без врача умирает все

«Больницу и раньше хотели оптимизировать, но не давала Галина Носова, — вспоминает собеседница, — а после ее смерти нас внесли в графу неэффективных расходов, потому что «для 3 тысяч пациентов хватит и ФАПа (фельдшерско-акушерский пункт. — Ред.), стационар и амбулатория оправдывают себя при 10 тысячах». Что будет с людьми без медицинской помощи? С детьми, которых 400 в округе, с пенсионерами? Ночью уже вызывать некого — в больнице ни души, кроме сторожей. 18 мая умерла 48-летняя женщина. Врачей не было, а без них кто ее мог спасти?»

Убийственные успехи

В Каменской ЦРБ устали от звонков из Столбова. Люди думают, что район избавляется от участковой клиники из экономии, возмущаются. Заместитель главного врача Каменской больницы

коммуникаций Олег Салагай, — уделяется территориальному планированию медицинской инфраструктуры.

Ай, молодец! Тогда почему 85 тысяч населенных пунктов России остались без больниц и ФАПов? Зачем в 2015 году в стране было сокращено более 40 тысяч коек? Эти цифры назвала председатель Счетной палаты Татьяна Голикова. Выступая 18 мая в Госдуме, она сослалась на «удручающую статистику регионов, где из-за бездумной оптимизации медицинских услуг и недоступности медпомощи смертность существенно превышает средние показатели по России».

Вот и в Алтайском крае люди умирают чаще, чем рождаются: в 2015 году скончалось 33 776 человек, родились — 30 065.

«Это в XXI веке и не в самом заброшенном уголке страны, — рассуждает жительница Столбова Ирина Хоренко. — Есть терапевт — есть больница и медицинское обслуживание. Не стало врача,

«Осенью и весной дороги в районный центр нет. Паромная переправа не работает, вертолеты не летают. На охраняемый военными железнодорожный мост местных жителей не пускают»

по медицинскому обслуживанию населения Светлана Шитова жалуется: «Мы не меньше пациентов заинтересованы в участковом терапевте и правобережном стационаре, но где взять специалиста — никого не дозовешься. У нас и в городе нет терапевтов: надо 20 врачей, а работают 7. Покойная Галина Носова чудом попала в Столбово. Второго такого чуда, наверно, не будет. В провинции не только доктора — села умирают. Около полугодия без врача Столбовская больница еще протянет, дольше нам не позволят ее содержать».

По отчетам губернатора Алтайского края Александра Карлина, кадровая политика в системе здравоохранения региона «неуклонно совершенствуется»: «В масштабах страны мало кто с нами может сравниться по объемам поддержки сельской медицины». По данным Минздрава России, за последние три года «число врачей, работающих в сельских учреждениях, увеличилось на 11,3%».

— Отдельное внимание, — заявил на днях директор ведомственного департамента общественного здоровья и

и даже больничные негде оформить. Нужно получить талончик к специалисту в районе, доплыть до ЦРБ, просидеть в очереди до вечера, не попасть на прием, вернуться ни с чем и на следующий день повторить все заново».

«Не знаем, что с нами будет. Сейчас пациенты лечатся по тем рецептам и рекомендациям, которые им когда-то оставила ныне покойная Галина Носова, — говорит фельдшер участковой клиники Елена Карасева. — Новых никто не выписывает».

Анна БЕССАРАБОВА,
«Новая»

ОТ РЕДАКЦИИ

На случай, если среди читателей «Новой» найдутся врачи, желающие поехать в Алтайский край: телефон Каменской центральной больницы (38584) 3-58-22, телефон Столбовской участковой больницы (38584) 7-65-39.

КОММЕНТАРИЙ

Директор Фонда независимого мониторинга «Здоровье», член Общественной палаты РФ Эдуард ГАВРИЛОВ:

«Это по меньшей мере головотяпство»

— Оптимизация здравоохранения сильнее всего ударила по селу. Здесь процент пожилых людей выше, чем в городе, и, следовательно, к врачу население обращается чаще. Однако вместо грамотного территориального планирования медицинских учреждений с одобрения федерального Минздрава в регионах принимаются механические решения о ликвидации или реорганизации ФАПов, закрываются сельские больницы. На месте 642 закрытых ФАПов в 2012–2014 годах появилось лишь 273 офиса врачей общей практики. В 2013–2015 годах сокращено порядка 100 тысяч коек в больницах. Коечный фонд не сбалансирован в регионах, мы видим рост непрофильных госпитализаций и больничной летальности.

Низкая транспортная доступность, высокая стоимость проезда и часто платность консультаций, за которыми селянам приходится ехать в областной центр, делают из них людей второго сорта. Когда принимается решение о закрытии сельской больницы, а ближайшая районная находится в 100 километрах, это по меньшей мере головотяпство. Такие примеры мы недавно наблюдали в Забайкалье, в Кировской области, в Пермском крае. В поселке Усть-Черная Прикамья, например, где проживает более тысячи человек, закрыли больницу. Оставшийся фельдшерско-акушерский пункт обслуживает еще около пяти тысяч человек из соседних поселков. Ближайшая больница находится в 120 километрах, в поселке Гайны. Понятно, что правило «золотого часа» для больных с сосудистой патологией в такой ситуации соблюдаться не может.

Очевидно, что планы по оптимизации должны быть срочно пересмотрены.

Сергей Юрский
в гримборной.
Первый сезон в Москве

Объятия в

Подарок Юрского, Иоселиани, Боровского

сработанному столяром Васильичем из покрытой красноедережным шпоном (или чем-то похожим на него) двери, которую мне подарил начальник Метроспецстроя Алексей Гаврилович Лёвин. (На «ё» он настаивал.) Васильич изготовил станину из подземных дубовых перил, и получилось сооружение, за которое не было бы стыдно и Собакевичу. За этим столом, на лавках, тоже изготовленных из перил, сидели славно потеплевшие французские актеры.

К моменту, когда я подарил им по старинному павловскому русскому лафитнику, мы уже прекрасно общались (на невербальном уровне), выпивая и радуясь друг другу. Все напялили шляпы и шапки из тех, что я когда-то собирал, и кухня немедленно превратилась в сцену.

Дружески (!) обнимая за плечи Катрин Сальвиа — премьершу «Комеди Франсез», красовавшуюся в ватерпольной шапочке моего друга — нападающего питерского «Водника» Александра Ивановича Тихонова (который, несомненно, будет когда-нибудь героем нашего рэзтайма), я рассказывал с живыми картинками, как автор стола и лавок — Васильич — подшофе (*e'chauffe' — фр.*) придя домой, прилег на диван вздремнуть (какой столяр не выпивает), а когда, толком еще не протрезвев, открыл глаза, почувствовал себя Лениным. Причем не живым, а уже выпотрошенным (прости господи) и набитым, как ботинки на лето, старыми мятыми газетами. Преимущественно «Правдой».

Васильич в Мавзоле не бывал, хотя на секретных правительственных объектах под землей работал регулярно, однако гранитчик Купцов ему живо описывал стеклянный саркофаг с вождем, особенно напирая на то, что Владимир Ильич лежит там не на животе и не на боку, а на спине, хотя сам Купцов считал эту позу неудобной, поскольку она вызывала у камнетеса храп, по которому его можно было легко найти на объекте после обеда. Ленин же, по утверждению Купцова, лежал тихо, так он и не выпивал сколько лет.

Рассказ Купцова запал в душу Васильичу настолько, что когда он обна-

ружил себя лежащим на спине (*sic!*) в прозрачном склепе, он очень насторожился и стал рыться в голове. Однако ничего о мировой революции и диктатуре пролетариата там не отыскал. Мысли были самые обыкновенные: если народ нескончаемым потоком пойдет мимо, отдавая ему почести и наслаждаясь созерцанием, будет ли удобно встать и сходить на кухню, чтобы попить воды от мучающего его сушиняка?

Слово «сушняк» с русского я перевести никак не мог (хотя полагал, что остальное парижане поняли из моей пантомимы). Да если по чести, то и финал истории я бы не осилил, не приди после спектакля Сергей Юрьевич Юрский с женой Натальей Максимовной Теняковой. Вкратце пере-сказав Сереже — блестящему знатоку языка Мольера и др. (у него даже есть поэтическая программа на французском) содержание предыдущих событий, я попросил его сообщить актерам, что нужды волноваться за судьбу Васильича нет. Он живой пришел сам домой, лег на диван вздремнуть, а жена, воспользовавшись случаем, укутала его полиэтиленовой пленкой и, выдвинув на середину комнаты, взялась белить потолок, поскольку, как и две предыдущие его жены, была маляром.

— Не люблю я их. Хотят новой жизни, а все заканчивается ремонтом квартиры, — говорил мне Васильич, которому в качестве водки нравилась любая водка, а из закусок предпочитал копченого прямо на нашей недостроенной кухне карпа, которого я покупал у знакомых продавщиц в рыбном магазине.

Разумеется, Васильича радовал и результат, но по-настоящему занимал процесс. Это роднило его с китайскими философами и их последователями, которые тоже любили карпов и даже вывели из них золотых рыбок, исключительно красивых на вид. Наш же отечественный карп был способен и на вкус. Эксклюзивные качества этой рыбы проявились в процессе экспериментального копчения ее на дубовой стружке, в коптильне, изготовленной на авиационном заводе Антонова из крылатого металла повышенной теплопроводно-

— А что, Зина, — спрашивала покровская старушка хозяйку прилавка в мятом, но местами чистом халате, — яйца по восемьдесят копеек закончились?

— Все имеет смысл кончатся, — философски отвечала Зина.

Сыр в магазине был, один — «Российский». У покупателей не хватало воображения даже спрашивать, какой, дескать, у вас сыр? Вру-вру. Случался перед праздниками прекрасный рокфор по два рубля восемьдесят копеек за килограмм. Но теперь праздников не было, потчевать французов с их сырами нашим сыром полуфабрикатом я не собирался. А вот для того, чтобы при участии лука и майонеза стоговить с ним филе, он годился.

Вынутая из духовки запеченная треска гостям понравилась.

Мы выпивали на кухне. Иногда выходили на балкон, лежащий на эркере комнаты подо мной, где живет Георгий Николаевич Дanelия, чтобы полюбоваться на Пруды, и возвращались к столу,

У Юрского в Москве еще жилья не было.

— Они придут к тебе пораньше, — сказал Сережа, — а мы с Наташей, как только освободимся из театра, к вам подъедем.

— Они говорят по-русски?

— Нет. Но они замечательные люди, все артисты «Комеди Франсез». А Катрин Сальвиа — просто европейская звезда.

— Все артисты «Комеди Франсез»?

Мои опасения были преждевременны: в лучшую в мире однокомнатную квартиру на Чистых прудах прибыла не вся труппа, а только четыре человека. Двое мужчин были симпатичны, а женщины обворожительны. Они были дружелюбны и неприхотливы. Нашим вином французов я мог разве что удивить, а хотелось доставить им радость. Значит, водка. Еду я сделал, которая побыстрее. Пошел в рыбный, который был на углу Покровки, и купил филе трески. Это был знаменитый на всю Москву магазин — там всегда что-то было. В кафельном бассейне, как поросята, плавали карпы, которых можно было жарить, фаршировать, а то и закоптить прямо в квартире (об этом позже), белая рыба по щадящей цене аккуратно нарезана, впрочем, как и красная, иногда внезапно и ненадолго возникали миноги, жаренные в желе (вовсе не те, что теперь торгуют на рынках), а весной северная навага — как раз в пост, и селедка, иной раз необычайной жирности и слабой соли.

«Не сегодня, не сегодня», — говорила своим (а я был свой — с Чистых прудов) симпатичная продавщица Аня, похожая на актрису Удовиченко. «Послезавтра приходите. Привезут вот с такой спинкой», — и она разводила большой и указательный пальцы на ширину, достаточную, чтобы там уместился теннисный мяч.

Майонез, лук и сыр были куплены на другом углу, в народном гастрономе, расположенном в здании старейшей московской гостиницы, построенной в начале девятнадцатого века архитектором Стасовым. Здесь был отдел для ветеранов и зрелых пенсионеров, торговавший по-настоящему сильным товаром по умеренным ценам.

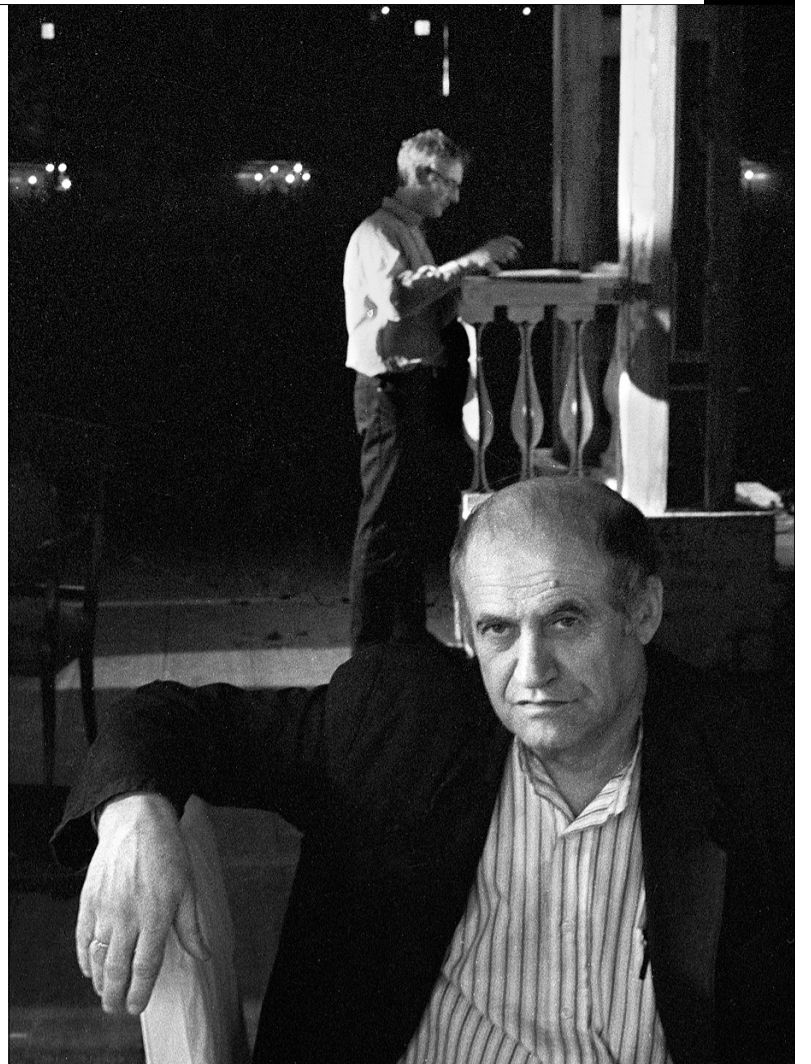
Звезды французского и русского театра на кухне квартиры над Чистыми прудами. В ватерпольной шапочке — Катрин Сальвиа, в белой шляпе с сигаретой — Наталья Тенякова

Париже-1

(Рэгайм)

Мы с Отаром Иоселиани на настоящей типично парижской улице

Давид Боровский в зрительном зале «Комеди Франсез»

сти. Обнаружив, что дуб не противоречит карпу, Васильич в мое отсутствие извел на стружку весь кухонный паркет, объяснив мне, что линолеум даже практичнее.

Стружку он упаковал в два крафт-мешка, один из которых для документальности рассказа был немедленно предъявлен звездам французского и звездам русского театра. Они высоко оценили работу Васильича и, дружно выпив за романтического столяра, стали хорошо петь и разговаривать.

Светало.

II

Над Давидом Львовичем Боровским постоянно летал Гений. Он садился ему на плечо, устраивался на кончике карандаша или поселялся в его макетах, равных которым не было в театральном мире. Он болел с ним за киевское «Динамо», посещал его мысли и слетал с языка в неспешных беседах с друзьями и сыном Сашей, к которому Гений тоже проявлял интерес. Иногда он кружил над землей и, набравшись впечатлений и образов, спешил вернуться домой — к Дэвику, у которого нашел комфортное и чистое место пребывания. (Дэвиком я называю Боровского по праву детской еще дружбы и, знаете ли, любви, которую испытывал к нему всю жизнь. Мы познакомились в послевоенном Киеве во дворе Театра русской драмы, где он начинал свой путь к вершинам мировой сценографии. Он был на пять лет старше и намного талантливее нас, чего ни он, ни мы не понимали, когда наблюдали, как взрослый для нас пятнадцатилетний парень красил в цеху театра задники декораций, весело пререкаясь с красноносим столяром по фамилии Смоляр.)

«Дай мазнуть!» — просили мы. Он мягко, по-особенному иронично улыбался и протягивал огромную кисть.

Дэвик был очень хорошим. Поверьте. Ну о ком честно и так просто можно написать? Только об очень хорошем человеке.

С ним почитали за удачу работать все выдающиеся наши режиссеры, а легендарная Таганка без Боровского была бы невозможна. Он был бескомпромиссен и скромен до абсурда. И во время абсурда тоже был скромен. И после.

(Тут, пожалуй, я хватил: до этого «после» мы еще не дожили.)

Гений Отара Давидовича Иоселиани тоже не прост и не покладист. Он самостоятелен, любит обособленно опрокинуть рюмочку где-нибудь на стороне, а потом

вернуться к нему и удивить мир немногословной кинематографической картиной нашей жизни, так же не похожей на настоящую, как та реальная, что нас окружает.

Теперь Иоселиани живет в Париже. Собственно, он живет везде, куда приезжает снимать. Но в описываемый период он квартировал в крохотной однокомнатной квартирке близ Больших Бульваров. Там можно было спать или, если сложить диван и подойти к письменному столу, работать. За стойкой, изображавшей из себя кухню, было доступно выпить рюмку и закусить сырком.

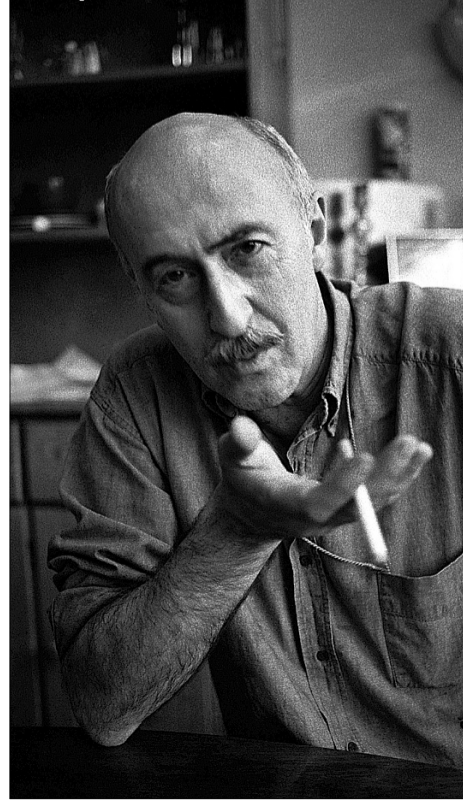
— Отар, — сказал я с вызовом, — за два дня в Париже мне так и не удалось посмотреть на Эйфелеву башню.

— Поднимись на последний этаж и посмотри.

Я поднялся. Окна там не было вообще.

— Мамуля, ничего страшного. Это какая-то пошлость смотреть на эту конструкцию. Поставь шуховский дебаркадер Киевского вокзала на попа — и представь,

«Это какая-то пошлость — приехать в Париж и бежать к Эйфелевой башне»

что он в Париже. Мы пойдем в город, и я тебе покажу типично парижскую улицу.

Скоро мы пошли в город и зашли в гости к другу Отара Давидовича. Самого друга не было, но где лежал ключ, Иоселиани знал. Выпив бутылку водки, которую нашли в холодильнике, мы подошли к окну.

— Вот типично парижская улица, — сказал Отар, — скоро мы по ней прогуляемся.

И правда, скоро мы по ней прошли квартала два до следующего друга. Дверь была не заперта. Друг сидел за столом и работал над сценарием. Подняв на секунду голову, он кивнул в сторону холодильника и взялся за свое. Допив початый уже кальвадос, мы сказали по-французски «au revoir» и вышли. Хозяин на прощание кивнул.

По типично парижской улице мы дошли до дома.

— Теперь мы выпьем по одному кальва в баре у стойки, и у тебя будет полное представление о парижской жизни.

— Отар, — сказал я утром, как мне показалось, решительно, — я хочу сходить в театр.

Он внимательно посмотрел на меня, стараясь понять, что я имею в виду.

— В «Комеди Франсез» Боровский оформляет спектакль «Месяц в деревне», который ставит Андрей Смирнов, а костюмы рисовал Борис Заборов.

— Давид — это аргумент. Иди!

Боровский был в пиджаке. Он сидел в необыкновенной красоты зрительном зале и смотрел, как ставят свет. Декорации были реалистичны, но в некоторых местах словно не закончены. Открытые участки деревянных конструкций проявляли достоверность условности.

— Пойдем к Вольгеру.

Он подвел меня к саркастическому мраморному старцу, сидящему в кресле. — Это оригинал. В Эрмитаже тоже оригинал. Гудон сделал две почти одинаковых скульптуры. Но эту раньше.

Французский президент де Голль однажды приехал в Питер. Тротуары были заполнены горожанами, самостоятельно вышедшими приветствовать прославленного генерала, на Университетской набережной алжирские студенты жгли его чучело. Многие улицы перекрыли. Светило солнце и было ощущение праздника.

Член политбюро Фрол Романович Козлов с красивой укладкой волос волной, бывший прежде секретарем Ленинградского обкома партии, повел высокого гостя в Эрмитаж на экскурсию.

Де Голль шел по залам и восхищался: «О, Рембрандт! О, Леонардо! О, Дега! О, Ван Гог! О, Сезанн!» Фрол Романович молча слушал экскурсовода. Ему тоже хотелось что-нибудь сказать гостю, но он был в этом учреждении впервые.

В зале, выходящем окнами на Александрийскую колонну, он внезапно оживился и, сделав шаг вперед, как на декламации пионеров съезду, громко произнес: «А это — наш великий полководец Суворов! Вы должны его знать!»

Де Голль вежливо кивнул, посмотрел на Козлова, как Отар на меня, узнав, что я хочу в театр, и пошел дальше. Даже не посмотрел на табличку. Знал, что там написано: «Вольтер». Скульптор Ж.-А. Гудон.

На сцене Смирнов на чистом французском языке энергично разговаривал с актерами. Они кивали. Потом он пригласил героя и героиню к белой ротонде, посадил их на ступени и попросил осветителя дать на них круглое световое пятно из прожектора-«пушки».

— Ну, — сказал он, подойдя к Боровскому, — как вам?

— Замечательно! — кивнул Дэвик. — Как на фигурном катании.

Андрей засмеялся: — Извините! — И пошел к актерам.

За десять минут, без знания французского, мягко пользуясь богатством однокоренных русских слов, Давид объяснил восхищенным (сам видел) осветителям, что надо сделать. И они сделали.

Репетиция закончилась. Мы стояли у сцены, и Андрей подзвал актеров, чтобы мы познакомились.

Это настоящие звезды театра. Актеры великолепны, актрисы — неподражаемы... — Знакомьтесь, — сказал он французам, — это наш московский друг Юра...

Он не успел назвать фамилию, как две звезды буквально повисли на мне, смеясь и что-то по-своему лопоча.

Мои товарищи смотрели на нас с недоумением.

Расставшись с прекрасными звездами, я рассказал друзьям историю нашего московского знакомства на Прудах двадцатилетней давности. И сказал:

— Это они обнимали не меня, ребята! Это они в Париже обнимали Сережу Юрского.

Юрий РОСТ, обозреватель «Новой»

Продолжение материала читайте в следующей пятнице

Ротенберги ПОДКАТЫВАЮТ ЯДРО

Закон может не устоять — если в игру вступает путинский партнер по татами

В апреле «Новая» рассказала о планах нового строительства при съезде с Тучкова моста на Петроградскую сторону (см. №37 от 25.04.2016)

Проект, над которым работала мастерская Никиты Явейна по заказу структуры Setl Group, был включен в повестку заседания градсовета. Но без объяснения причин он оказался изъят из нее буквально накануне, сразу после выхода нашей публикации. Раздосадованный содержанием статьи господин Явейн в разговоре с ее автором заявил, что проект сняли с рассмотрения «вовсе не из-за вашей газеты» — а потому, что сменился инвестор. И теперь — де в игру вступают такие люди, с которыми вообще никто не поспорит.

«Неужели о смене инвестора не было известно при формировании повестки? — удивился корреспондент «Новой». — Такие вещи ведь не решаются за день». «Эти могли и за ночь все решить», — прозвучало в ответ.

Речь, напомним, идет об участке в 9,5 тысяч квадратных метров — западнее здания паркинга у ДС «Юбилейный», от съезда с моста до стекляшки торгового центра, появившегося здесь под занавес губернаторства Владимира Яковлева. «Калиф на час» Александр Беглов успел подписать распоряжение о предоставлении этого участка структуре Евгения Пригожина — под строительство культурно-спортивного комплекса, который надлежало ввести в строй через три года. Но на площадку, отягощенную многими

обременениями (включая несколько технических объектов метрополитена), строители так и не вышли. Затем пригрозившую структуру приобрела компания Setl Group — вместе с проектом, который до недавнего времени фигурировал на ее сайте в разделе коммерческой недвижимости. В феврале прошлого года Смольный в очередной раз продлил сроки реализации проекта — на сей раз до октября 2018 года. А с месяцем назад коллегия КГИОП в закрытом режиме оценила предполагаемое влияние проектируемой массивной новостройки на окружающие исторические доминанты. Оценила положительно — рассудив, что хотя вид на Князь-Владимирский собор и будет «подрезан», но его доминирующая роль все равно ведь сохранится.

Теперь приоткрылось и личико упомянутых выше серьезных людей. Как скупо информирует официальный сайт Администрации Петербурга, 18 мая в Смольном у вице-губернатора Игоря Албина состоялось совещание по вопросу развития спортивного комплекса «Юбилейный». На нем речь шла о предложении управляющей объектом компании — ООО «Спортивный комплекс «Юбилейный», направленном ею губернатору еще в марте: «по формированию на имеющейся базе полноценного и эффективно функционирующего «спортивно-культурного ядра» с необходимой инфраструктурой».

Слепить такое ядро предлагается из открытой и крытой парковок, гостицы для спортсменов и спортзалов для тренировок. Экспансию предпола-

гается распространить на участки с разными формами собственности. Подробности на сайте Смольного не раскрываются, упоминается лишь, что обсудили «варианты расширения инфраструктуры спорткомплекса «Юбилейный», возможности инвестора и возникающие при реализации проекта земельно-имущественные отношения». Декларируется, что проситель «берет на себя половину

расходов по реализации планов по развитию комплекса, наравне с городом». Окончательное решение договорились выработать после проведения необходимых консультаций, на которые вице-губернатор отвел неделю.

Как удалось узнать «Новой», помимо вверенного Setl Group участка, планируется притянуть к «ядру» еще один, площадью около 2,5 тыс. кв. м, принад-

СПРАВКА «НОВОЙ»

ООО «СК «Юбилейный» — управляющая спорткомплексом компания, которой объект предоставлен в безвозмездное пользование. Ранее ею в равных долях владели город и региональная Федерация профсоюзов, но осенью прошлого года ФП продала свои 50% ООО «Хоккейный клуб «Динамо» Санкт-Петербург». Последнее зарегистрировано за несколько месяцев до этой сделки; согласно данным ЕГРЮЛ, его совладельцами являются соучредитель и президент хоккейного клуба «Динамо» Санкт-Петербург Наталья Скарлыгина (50%) и его генеральный директор Сергей Черкас (50%). Госпожа Скарлыгина трудится директором школы-интерната №576 Василеостровского района с углубленным изучением физкультуры, господин Черкас — замдиректора по спортивной работе.

Комментируя сделку «Ведомостям», господин Черкас пояснял, что она профинансирована с привлечением кредита, взятого в СМП Банке (принадлежит братьям Аркадию и Борису Ротенбергам). Аркадий Ротенберг — член совета Федерации хоккея России, до лета прошлого года был президентом москов-

ского хоккейного клуба «Динамо». Сергей Черкас — бывший тренер хоккейного СКА (президент — Геннадий Тимченко, вице-президент — Роман Ротенберг, сын Аркадия Ротенберга).

Генеральным партнером хоккейного питерского «Динамо» является банк «Северный морской путь» (принадлежит Ротенбергам). Наталья Скарлыгина, позиционируемая как близкая подруга Аркадия Ротенберга, значилась учредителем нескольких связанных с ним компаний — например, созданной олигархом фирмы «Ротона». Согласно обнародованным данным о доходах и имуществе, директор школы-интерната Н.В. Скарлыгина владеет тремя квартирами (228, 279 и 51 кв. м), нежилым помещением (133 кв. м), двумя земельными участками (1200 и 800 кв. м), жилым домом (176 кв. м) и двумя автомобилями (BMW X5, RANGE ROVER), воспитывает двух сыновей и дочь, не замужем; предъявленный доход за 2014 год более чем вдвое превысил показатель предыдущего (2,8 млн) и составил 6,3 млн руб. Для сравнения: по данным СПАРК-Интерфакс, выручка ООО «СК «Юбилейный» за 2014 год составила 134 млн, чистая прибыль — 4 млн.

HTTP://WHC2016.RU

лежащий с начала нулевых Федерации профсоюзов и где сейчас стоит трехэтажный паркинг. Паркинг — в совместном управлении ФП и компании «Ялта» Андрея Кошкина, а участок с 2007 года перешел к ним в собственность. Некоторое время назад партнеры вознамерились перестроить паркинг в апарт-отель — популярный такой формат, позволяющий получить в итоге очередное элитное жилье. По сведениям «Новой», к проекту пытались привлечь архитектора Максима Атаянца — в ту пору, когда он работал над Судебным кварталом. Но дело не сладилось. В этом контексте представляются не лишними обоснованности предположения участников рынка о том, что владеющий участком тандем примеривался к созданию жилья под судейских, — на тот момент город в рамках договоренностей с Управделами Президента РФ еще подыскивал для этих целей подходящие площадки, да так ничего адекватного и не предложил.

Теперь превратить паркинг в «гостиницу для спортсменов» вознамерилось ООО «СК «Юбилейный».

При таких весьма скромных показателях возникают резонные вопросы по источникам финансирования проекта. Да и с математикой у потенциального инвестора, очевидно, проблемы. Декларируя готовность взять на себя половину расходов наравне с городом, за скобками оставляют то обстоятельство, что половина компании принадлежит Петербургу — то есть не него ложится еще половина той половины, то есть три четверти всех затрат. Кроме того, предстоит «уладить» вопросы с теми, за кем сейчас значатся вовлекаемые в проект участки.

Конечно, ни профсоюзы с «Ялтой», ни Setl Group противиться анонсируемым планам не станут. Но с ними надо будет договариваться — выделив альтернативные участки или еще каким-то конвертируемым в звонкую монету образом. К тому же стоимость проекта на финише может оказаться совсем иной, нежели озвучивают на старте. За примерами далеко ходить не надо: новый стадион на Крестовском, как известно, изначально был оценен в 6,7 млрд, постепенно его стоимость возросла почти до 35 млрд, теперь потребовалось еще 4 млрд (соответствующая поправка уже внесена Комитетом по строительству ко второму чтению законопроекта о корректировке бюджета Петербурга).

Экспертов в сфере градостроительства и охраны наследия тревожит в первую очередь ожидаемое негативное влияние такой масштабной новостройки на близлежащие памятники — Князь-Владимирский собор, Тучков буян. Вид на них должен оставаться открытым, а территорию у «Юбилейного» (и так уже достаточно хаотично и бездарно застроенную) следовало бы оставить свободной, убеждены в петербургском отделении ВООПИиК. Не случайно в новой версии 820-го закона в части высотного регулирования тут вообще не прописаны допустимые максимумы — участок отнесен к «композиционно завершенной системе городских пространств», где должны в неизменном виде сохраняться объемно-пространственная композиция и габариты имеющихся зданий. Охране подлежит и визуальный коридор на Князь-Владимирский собор.

Закон, конечно, может не устоять — если в игру вступает путинский партнер по татами. Скоро узнаем, кто кого переберет. Хотя, сдастся, Петербург тут едва ли удовлетворится ролью стороннего наблюдателя.

Татьяна ЛИХАНОВА

Иероним Босх. Фокусник

От флагштока до зоопарка

Упрощенное размещение урн, туалетов и зоопарков может превратиться в очередную кормушку для чиновников

26 мая комиссия по городскому хозяйству питерского Заксобрания рекомендовала принять в первом чтении законопроект «О размещении объектов без предоставления земельных участков». С одной стороны, этот закон должен упростить жизнь бизнесу, с другой — чиновникам предоставляется простор для коррупционных решений.

Изначально закон разумный. Год назад вступили в силу изменения в Земельный кодекс, которые упростили размещение небольших сооружений: от флагштоков, фонарей и лодочных станций до передвижных цирков, голубятен и нестационарных туалетов. Сюда же попали и некрупные линейные объекты: тонкая канализация, тонкий газопровод и линии электропередачи до 35 кВ.

Раньше в таких случаях надо было формировать временный земельный участок, в случае строительства объектов — получать разрешение на строительство. Теперь должно быть проще: подал заявление, его проверили на законность — и вперед!

Процедуру того, как именно размещать эти объекты, каждый регион решает самостоятельно. Комитет имущественных отношений СПб подготовил законопроект, который позволяет получить разрешение за 30 дней. Однако у экспертов ЗакСа и депутатов проект вызвал резкое отторжение по ряду моментов.

Например, он не требует никакого обоснования для размещения объекта. То есть его может вообще не быть! Заявитель не обязан объяснять, насколько разумно разместить в таком-то месте урну или луна-парк: законопроект не делает различий между флагштоком и гигантскими объектами вроде передвижного цирка. По идее, если нет формальных оснований для отказа (например, испрашиваемая территория может быть занята другим объектом) — чиновник обязан согласиться.

Единственная защита от произвола описана расплывчато: отказать в размещении объекта можно, если это «противоречит действующему законодательству». Будет ли противоречить законодательству, скажем, пункт проката велосипедов, частично перекрывающий тротуар и затрудняющий движение?

Непонятен и срок действия разрешений. Устанавливается он исходя из того, сколько попросит заявитель, вплоть до 49 лет! При этом в КИО предполагают, что «заявитель будет указывать срок в зависимости от вида объекта. Например, линейные сооружения размещаются обычно на длительный срок, а сезонные аттракционы, передвижные цирки — на небольшой срок». Однако с чего чиновники взяли, что заявитель будет это делать? Он может испросить место под якобы передвижной зоопарк на 49 лет — это его право!

На практике определение сроков действия разрешения выльется в торг между заявителем и чиновником, каждый раз срок будет устанавливаться в ручном режиме — что, понятным образом, открывает колоссальные возможности для коррупции.

То же самое касается и площади испрашиваемой территории: вот попросит человек 100 кв. м под голубятню — вроде многовато? Но и отказать не из-за чего. Хотя если очень захотеть, всегда можно отказать, и заявитель сам это понимает. Значит, опять полулегальный торг с чиновниками, опять «ручной режим».

Совсем никак не отражена в законопроекте возможность конфликта интересов. Если на какую-то площадку претендуют два заявителя, побеждает тот, кто обратился первым. Но при этом никто не обязывает его пользоваться истребованным участком! То есть заявитель может забить самые козырные места и потом торговаться с теми, кто действительно хочет что-то на них разместить. Или предоставлять свои разрешения в «субаренду» — пусть не совсем законно, зато за вполне реальные деньги.

Не предусмотрен и механизм отзыва разрешения. Если заявитель нужную бумажку получил, но делает совсем не то, что собирался (вместо флагштока баню построил), или при использовании территории нарушает закон (например, сливает из своего нестационарного туалета воду в ручей) — законных оснований отнимать у него разрешение не будет! Выгнать его с территории можно, только если земля зачем-то понадобится городу — например, для капитального строительства.

На комиссии по городскому хозяйству представитель КИО успокаивал депутатов, что чиновники смогут забрать разрешение по своему усмотрению так же легко, как его дали.

«Если чиновники могут что-то делать исключительно по своему усмотрению, возникает много соблазнов, и мы знаем, как решаются такие вопросы», — поясняет Борис Вишневецкий, глава рабочей группы, которая займется поправками к законопроекту, проясняющими моменты и со сроками, и с площадью, и с возможностью торговать разрешениями по принципу «субаренды».

По словам депутата, в следующую среду законопроект будет рассматриваться в первом чтении и, видимо, будет принят. А уже в следующий четверг на комиссии по городскому хозяйству будут разбирать поправки, которые к тому моменту должна подготовить рабочая группа. Таким образом, предполагается, что во всех трех чтениях новый закон будет принят до наступления депутатских каникул и в более приличном виде, чем есть сейчас.

Андрей БЕЛОВРАНИН

Налоговое лицемерие

«Новая», используя открытые данные, нашла налоговые задолженности у 23 известных персон почти на полтора миллиона рублей

Губернатор Георгий Полтавченко, выступая с ежегодным отчетом перед Заксобранием, сообщил, что по темпам роста налоговых и неналоговых доходов «мы даже немного опередили Москву». Говоря вскользь о налогах, градоначальник забыл упомянуть, что среди должников числится его собственный сын, миллиардер Алексей Полтавченко, вице-губернатор Александр Говорунов и его сын-миллиардер, а также известный бизнесмен и друг Владимира Путина Аркадий Ротенберг. «Новая», используя открытые данные, нашла задолженности у 23 известных персон почти на полтора миллиона рублей.

Задолженность любого физического лица можно проверить с помощью системы Yandex.Money по ИНН. Как пояснили «Новой» в пресс-службе Yandex.Money, сервис показывает информацию о налогах, уплата которых просрочена. Сведения поступают к ним автоматически из Государственной информационной системы о государственных и муниципальных платежах, что не нарушает налоговую тайну. ИНН гражданина можно узнать через Единый реестр юридических лиц, если он руководит или числится учредителем в коммерческих и некоммерческих предприятиях, государственных структурах. Так, сын губернатора Алексей Полтавченко является совладельцем логистической компании «Инвестбурстрой» и девелоперской компании «Петербургстрой». Значит, в реестре юрлиц есть налоговый номер фирм и его личный номер. Любой гражданин может бесплатно получить выписку из ЕГРЮЛ, после чего проверить наличие задолженностей Полтавченко через Yandex.Money. Согласно решению Верховного суда РФ от 30.05.2000 № ГКПИ00-402, ИНН не содержит информации личного характера. Факт неуплаты налогов и вовсе признается законом общественно значимым, отмечает директор Центра защиты прав СМИ Галина Арапова.

Ближайшее окружение

По данным Yandex.Money, Алексей Полтавченко не уплатил в Ивановской области транспортный налог (2016 руб. плюс пени 125,13 руб.), земельный налог (1249 руб.), налог на имущество (267 руб. плюс пени 16,57 р.), в Петербурге на нем висит налог на имущество (32,69 р.), и еще один налог на имущество физических лиц числится в Москве (17992 руб. и пени 1938,05 р.).

Алексей Полтавченко занимает 153-е место в рейтинге миллиардеров Петербурга, опубликованном «Деловым Петербургом». Его состояние на 2015 год оценивалось в 2,7 млрд руб.

Полтавченко-младший узнал о проблемах с налогами от корреспондента «Новой». Сын губернатора обещал проверить информацию через госналогслужбу. «Потому что я давно не заходил в свой кабинет налогоплательщика, — объяснил он. — Вы мне рассказали, сейчас зайду посмотреть. Обычно они выставляют платежи

только позже, значит, выставили раньше. Во всяком случае, мне никаких уведомлений не приходило. Спасибо, что сказали».

«Новая» обнаружила задолженность и у вице-губернатора Петербурга Александра Говорунова. Он не уплатил пени по транспортному налогу в размере 917,34 р. «Новая» направила Говорунову официальный запрос. Спустя три недели представитель государственной службы и кадровой политики сообщил «Новой», что транспортная задолженность у Говорунова отсутствует.

Хуже обстоят дела у его сына, миллиардера Алексея Говорунова. За ним числится задолженность по земельному налогу 466881,98 р. вместе с пени. Участок у сына вице-губернатора расположен в Петербурге. Кроме того, в отношении него возбуждены исполнительные производств. По данным сайта Федеральной службы судебных приставов, младший Говорунов не уплатил два штрафа ГИБДД в Невском районе (2000 р.), еще два дела были прекращены в декабре 2015-го, так как приставы Невского

и Петроградского районов не установили местонахождение должника и не смогли получить сведения об имуществе и счетах. Еще одно исполнительное производство, возбужденное в конце марта прошлого года, не закрыто.

По данным СМИ, Алексей Говорунов управляет элитными отелями W. St. Petersburg и Park Inn и занимает 70-ю строчку в рейтинге миллиардеров с активами 12 млрд руб. В беседе с «Новой» он объяснил, как образовалась задолженность по земельному налогу: это налог на недвижимость, которой он владеет на льготных условиях, и задолженность ему насчитали по ошибке, так как налог за нее он платить не должен. Получается, что информация в Yandex. Money устаревшая и скоро ему должны сделать перерасчет. Что же касается штрафов ГИБДД, то сын вице-губернатора пообещал их оплатить, хотя не считает нужным делать это моментально. За налоговой чистотой миллиардера следят его бухгалтеры.

Федеральные нарушители

Нашлось пять задолженностей и у сына бывшего губернатора Петербурга, а ныне спикера Совета Федерации Валентины Матвиенко. Сергей Матвиенко, также входящий в рейтинг миллиардеров, не уплатил налоги в Петербурге, Московской области и в Татарстане на общую сумму 256963,39 руб. Так, в Петербурге за ним числится транспортный налог, а в Московской области — земельный. В Республике Татарстан у него, судя по всему, тоже участок, раз ему начислили пени 1,41 руб.

После того как мать Сергея Матвиенко перешла работать в Москву, его бизнес-успехи стали не столь впечатляющими. Пик карьеры предпринимателя пришелся на 2003–2011 гг., тогда его состояние оценивалось в 30 млрд руб. Сейчас он занимает 133-е место в рейтинге миллиардеров с 3,6 млрд руб., имеет пакет акций в торговом доме «Фармация» и банке «Санкт-Петербург».

Валентина Матвиенко на запрос «Новой» не ответила.

У Аркадия Ротенберга, входящего в пятерку петербургских миллиардеров, неуплата по земельному налогу в Московской области (537749,23 р.) и во Всеволожском районе Ленобласти (78925,96 р.). Бизнесмен занимается инфраструктурным и нефтегазовым строительством, девелопментом, а также банковским и медийным бизнесом. Его активы оцениваются в 213 млрд руб.

«Новая» отправила запрос Ротенбергу через ООО «Стройгазмонтаж», контролирующим акционером которого он является. Ответ в редакцию не поступал.

А вот первый замуководителя администрации президента РФ Вячеслав Володин должен государству... 45 копеек — пени по налогу на имущество физических лиц в Истре. Фонд по борьбе с коррупцией писал о «скромном имении» Вячеслава Володина в дачном поселке Сосны Истринского района Московской области стоимостью 152 млн руб.

Должники из монополий

Проверила «Новая» и руководителей коммунального сектора. Например, бессменный директор ГУП «Водоканал Санкт-Петербурга» Феликс Кармазинов задолжал почти 45 тысяч рублей. У него не оплачен земельный (11137,55 р.) и транспортный (313,59 р.) налоги в Приозерском районе Ленобласти, и транспортный налог в Петербурге (33007,02 р.). В Приозерском районе у Кармазинова мини-деревня с особняком, конюшней, беседкой для пчеловодства, баней и видом на озеро Отрадное, выяснили журналисты из ДП.

В пресс-службе «Водоканала» пообещали передать Кармазинову информацию о задолженностях и заверили: «Если такая задолженность действительно имеется, мы уверены: он в кратчайшие сроки ее погасит».

У директора ГУП ТЭК Игоря Федорова две задолженности в Архангельской области и Ненецком автономном округе по налогам. Он должен перечислить в казну 1647,69 р. Федоров через пресс-службу передал, что запросил в налоговом органе справку о состоянии расчетов по платежам, поэтому сможет прокомментировать информацию не раньше 16 мая. К этой дате долгов у Федорова уже не оказалось.

У руководителя АО «Санкт-Петербургские электрические сети» Максима Иванова нашлась одна задолженность — пени по транспортному налогу. Он заверил «Новую», что не имеет злого умысла по уклонению от уплаты налогов, и пообещал, что в кратчайшие сроки задолженность погасит и выяснит причины ее возникновения.

Парламентские гроши

Анна Селегень, дочь спикера ЗакСа Вячеслава Макарова, по данным Yandex. Money, тоже не платит налоги. У Селегень, заработавшей 1,1 млрд руб. в основном за счет подрядов Газпрома, одна задолженность. На момент нашей

проверки за бизнес-леди числились пени по транспортному налогу в размере 3309,09 р. Начальник управления информации ЗакСа Елена Тимошенко пояснила «Новой», что Анна Селегень два года назад продала машину и пени ей начислили по ошибке. В налоговом органе пообещали косяк исправить.

ПЕРВЫЙ ЗАМЕСТИТЕЛЬ РУКОВОДИТЕЛЯ АДМИНИСТРАЦИИ ПРЕЗИДЕНТА РФ ВЯЧЕСЛАВ ВОЛОДИН ДОЛЖЕН ГОСУДАРСТВУ... 45 КОПЕЕК

Имеется налоговая задолженность и у бывшего главы Горизбиркома Алексея Пучнина. В Тамбовской области он до сих пор не уплатил пени на транспортный, имущественный и земельный налоги. В казну региона он должен перечислить 494,66 руб. «Я не могу пока прокомментировать эту информацию, пока сам ее не проверю, — сказал Пучнин. — Но я не понимаю, зачем вы это делаете, искренне. Я уже не председатель Санкт-Петербургской избирательной комиссии». После звонка «Новой» экс-глава Горизбиркома сообщил, что в тот же день погасил все тамбовские задолженности.

Депутат ЗакСа Виталий Мартыненко, чей ИНН можно узнать из справки по казачьим обществам, не уплатил налог на имущество физических лиц (5295,24 руб.). Депутат передал через пресс-службу парламента, что он продал квартиру матери, задолженность перед налоговой уже погашена.

Комитетские бегунки

Попались на неуплате налогов и главы некоторых городских комитетов. Они являются госслужащими и официально не имеют права заниматься бизнесом, однако их ИНН тоже расположены в открытом доступе — все в том же ЕГРЮЛ, так как каждый комитет правительства считается юридическим лицом, а сами чиновники — их официальные представители.

«Новой» удалось обнаружить шестерых должников среди подчиненных Полтавченко. Так, председатель Комитета по развитию туризма Виктор Кононов (пока материал готовился к печати, он покинул свой пост) имел две задолженности перед налоговым органом Москвы — транспортный налог (19371,06 р.) и налог на имущество физических лиц (356,05 р.). Кононов в беседе с «Новой» сообщил, что погасил свои задолженности 15 апреля. «Я заплатил 6 тысяч рублей, а они мне сказали, что рубль мне должны еще. Я им простил этот рубль», — поделился чиновник.

О новых неоплаченных налогах он не знал и пояснил «Новой», что с 2008 года стоит на учете в другом налоговом органе и при передаче учетного дела информация о наличии недоимок по обязательным платежам отсутствовала. Кононов оплатил обнаруженную задолженность, параллельно попросив инспекцию разъяснить, как она образовалась.

У председателя Комитета по молодежной политике Ренаты Абдулиной задолженность по земельному налогу в Солнечногорске Московской области (5433,12 р.) и по транспортному налогу в Москве (6992,96 р.). Однако в пресс-службе заявили, что все налоги, начисляемые на председателя комитета, оплачены. Задолженностей по состоянию на 29.04.2016 не имеется.

Несмотря на то что Андрей Максимов, возглавляющий Комитет по науке и высшей школе, не уплатил пени по налогу на имущество физлиц в Петербурге (126,18 р.), в его пресс-службе на нас очень рассердились, заявив, что соби́рание или распространение «Новой газетой в Санкт-Петербурге» данных о частной жизни лица могут составлять состав преступления, ответственность за которое предусмотрена статьей 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни, максимальное наказание — 5 лет лишения свободы), и попросив раскрыть источник данных.

Набежали пени и у начальника ГУ МВД по Петербургу Сергея Умнова — по налогу на имущество физлиц (430,11 р.), и у прокурора Сергея Литвиненко — по налогу на доходы физлиц (579,15 р.) и по налогу на имущество (9 коп.). Литвиненко на официальный запрос не ответил, а Умнов запросил справку из налоговых органов — задолженностей он не имеет.

Губернатор Полтавченко так и не объяснил редакции, почему в правительстве применяется политика двойных стандартов, при которой его родственники и подчиненные забывают платить налоги. Запрос «Новой» был перенаправлен из пресс-службы в Комитет государственной службы и кадровой политики. Чиновники лишь сообщили, что ежегодно проверяют сотрудников Смольного на факт неуплаты налогов.

По закону за границу не может ехать лишь Алексей Говорунов, так как в отношении его открыты исполнительные производства. Остальные бизнесмены и госслужащие (кроме санкционного Ротенберга) могут покидать страну, если погасят долги до того, как к ним придут судебные приставы.

P.S. Стоит заметить, что никогда еще чиновники и депутаты не проявляли такой бешеной активности, получив запросы «Новой». Многие сами, или через пресс-секретарей звонили в редакцию и сообщали, что или уже бегут в сберкасу, или выясняют отношения с налоговой. А потом перезванивали еще по нескольку раз и уточняли, точно ли мы получили их ответы и войдет ли информация о том, что они уже все заплатили, в статью.

Светлана ЗОБОВА

Не скрою, я ждала этого события с нетерпением — не только потому, что всей душой желала Надежде Савченко скорейшего освобождения и возвращения домой, но и потому, что мечтала посмотреть, как будет отползать и оправдываться вся эта гоп-компания, которая всего месяц назад в студии Первого канала билась в пене, как ведьмак на шабаше, соревнуясь в том, кто обгадит ее лучше всех и утвердит публику в окончательном мнении, что садистка и убийца должна сгнить в российских застенках.

с Ириной ПЕТРОВСКОЙ

Вообще-то программу «Время покажет» и все другие, ей подобные, давно пора переименовать из «ток-шоу» в «шабаш-шоу» — в них главное не дискуссия и не попытка выяснения истины, а градус ненависти и истерики, которого достигают участники под чутким руководством ведущих.

В том, месячной давности, выпуске шабаш-шоу «Время покажет» пальму первенства завоевал журналист Первого канала Артем Шейнин, выразивший огромное сожаление, что «эту Савченко» вообще довели до суда. А могли бы сделать так, чтобы она «чисто случайно» зацепилась за два БТРа, которые поехали бы в разные стороны.

По иронии судьбы именно Петру Толстому в том же формате в среду днем пришлось первому по горячим следам комментировать и обсуждать главное событие дня.

За несколько минут до того о случившемся коротко рассказали в дневном выпуске новостей. Корреспондент Георгий Олисахвили, напирая на то, что вина Савченко полностью доказана российским судом, особо подчеркнул, что только что вернувшись в Москву Александров и Ерофеев хоть и признали себя сотрудниками ГРУ, на самом деле ими не были. Их задержали в Луганской области, когда они поехали за продуктами для своего отдела милиции. Потом они, конечно, от прежних показаний отказались, что не помешало украинскому суду осудить их на 14 лет лишения свободы.

Тем забавнее прозвучало сразу встык к новостям пафосное высказывание писателя Проханова в эфире шоу «Время покажет»: «Очень важно, чтобы эти два воина, два офицера не пропали в объятиях своих семей. Я бы этих героев сделал эмблемой сопротивления, все симпатии нашего народа на их стороне». Тот же Проханов предположил, что главным смыслом этого освобождения должно быть «смягчение нравов и сердец, а также снижение уровня ненависти, в том числе и в самих себе».

Петр Толстой, поначалу пребывая в явной растерянности, вскоре оправился и внес свой вклад в смягчение нравов и сердец, предложив «удалить господ Турчинова, Авакова и Порошенко в СИЗО», сообщив, что такой страны, как Украина, нет, и обозвав Порошенко «так называемым президентом». И все вместе участники высказали искреннюю надежду на то, что Надежда Савченко добавит хаоса украинской политике и окончательно добьет эту нелепую страну.

К вечеру в бой вступила тяжелая артиллерия в лице Ольги Скабеевой, глав-

ной информационной «дубины» канала «Россия», которая вместе с женами двух освобожденных россиян была допущена на летное поле аэродрома Внуково. Думаю, ее репортаж войдет в историю новейшего российского ТВ как чистой воды чистейшей образцы. Своим волшебным голосом, от которого мурашки бегут по коже и волосы встают дыбом, она сначала предложила зрителям умилиться сценой встречи «наших ребят»: «Вот он,

Ведьмаки на шабаше

Как в российском эфире к смягчению нравов стремились

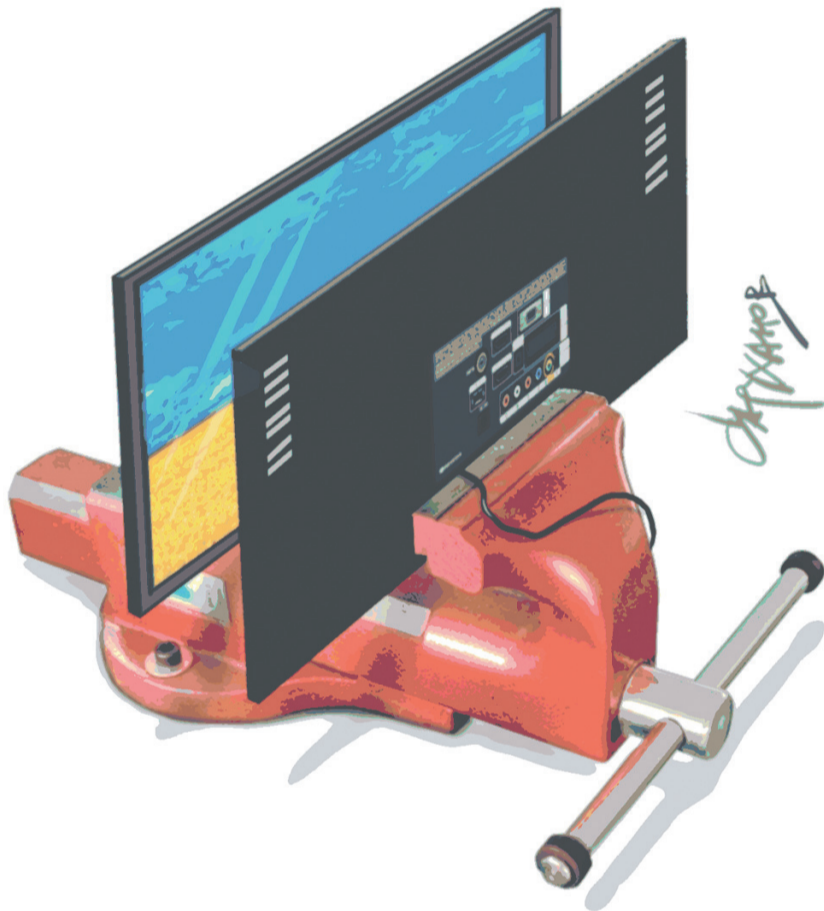
Более того, «вопреки утверждению украинской стороны, Савченко — конечно, не летчица, хотя бы в силу отсутствия образования... Известна своими зверствами... Задержали патологически жесткую наводчицу за пересечение границы». Зато «измученный Евгений Ерофеев, якобы представшийся российским военным, как потом выяснилось, под пытками, от этих показаний, конечно, отказался. Известно, что из армии они давно уволи-

за благородство. И, наконец, апофеоз: кадры (чужие, с чужим логотипом во весь экран) триумфальной встречи Савченко в киевском аэропорту. «На этих кадрах хорошо видно — Савченко босиком! — восклицает, словно пригвождает к позорному столбу, Скабеева. — На Украине ее превратили в икону. Народная героиня — убийца Надежда на фоне такой раскрутки не против ворваться в политику. Александров и Ерофеев же вернулись домой и хотят побыть с женами».

Вечером в программе «Специальный корреспондент» муж и соратник Скабеевой Евгений Попов, вновь показав репортаж своей выдающейся жены, вознамерился было обсудить возможные пути к примирению России и Украины: «Я бы обратил внимание на слова «гуманизм» и «поможет урегулированию ситуации на Донбассе». Но был сметен натиском Жириновского: «Эта женщина, которая так нагло вела себя в суде, соучастница убийства журналистов, вернулась как спасительница Украины. Ее встречают как героиню, а она больная человек... Она захватит какой-нибудь бомбардировщик и разбомбит какой-нибудь русский город и получит очередную звезду героя».

Ему с ухмылкой возражал депутат Никонов: «Савченко после двух литров водки, которые она обещала сегодня выпить, вряд ли поднимет бомбардировщик в воздух... Я смотрел все это в прямом эфире. Она вышла босиком и явно издевалась над украинскими и международными журналистами. Все это закончилось обычным шабашем, нацистскими кричалками под свист и улюлюканье фашиствующей толпы».

«Давайте выбирать выражения, давайте используем это как шанс для начала разрядки между Украиной и Россией», — призывали немногие «миротворцы» в студии «Спецкора». Но «остатков» неслось. И «все это закончилось обычным шабашем». Перечеркивая «великодушные российские власти» и изничтожая на корню все шансы на примирение сторон, эти шататные горлопаны, которые просто уже не могут притормозить, порождают в мозгах сограждан простые, но крайне опасные вопросы: почему родная и такая непримиримая к врагам Отечества власть вдруг дала слабину и выпустила на свободу кровавую убийцу? И почему «наших героев» не встречали на родине так же, как «убийцу Надю» в Киеве?

Петр САРУХАНОВ — «Новая»

исторический момент, посмотрите, невероятно трогательно...» Потом с особым чувством прочитала надпись на фюзеляже: «Россия». А затем, расставляя правильные акценты, пересказала всю историю, предшествовавшую обмену между Россией и Украиной. «Россия и Украина действовали практически параллельно. Как только самолет с российскими гражданами вылетел из Киева, из Ростова в Киев вылетел самолет с наводчицей Савченко». Скабеева и дальше иначе, как «наводчица Савченко», героиню дня не называла.

лись, и на Донбасс поехали добровольно. Дело против них сфабриковали».

Несмотря на то, что Савченко «сознательно пошла на убийство журналистов ВГТРК, российские власти нашли в себе силы быть по-настоящему великодушными», как и родственники погибших, подавшие прошение о помиловании убийцы Савченко. Тут же следует протокольная съемка, где президент, обращаясь к так и не сказавшим ни единого слова жене и сестре погибших журналистов, проникновенно благодарит их

Редакторы номера:
Р. Дубов, А. Полухин

www.novayagazeta.spb.ru www.novayagazeta.ru

Наш адрес в интернете:
NovayaGazeta.Ru

РЕДАКЦИЯ

Дмитрий МУРАТОВ (главный редактор)

Редакционная коллегия: Роман АНИН (редактор отдела расследований — «отдел Ю. Щекочиных»), Ольга БОБРОВА (зам главного редактора), Руслан ДУБОВ (зам шеф-редактора, ответственный секретарь), Сергей КОЖЕУРОВ (первый зам главного редактора), Александр ЛЕБЕДЕВ (зам главного редактора), Андрей ЛИПСКИЙ (зам главного редактора), Лариса МАЛЮКОВА, Кирилл МАРТЫНОВ (редактор отдела политики и экономики), Константин ПОЛЕСКОВ (шеф-редактор WEB-редакции), Алексей ПОЛУХИН (шеф-редактор), Георгий РОЗИНСКИЙ (зам главного редактора), Юрий РОСТ (обозреватель), Петр САРУХАНОВ (главный художник), Сергей СОКОЛОВ (зам главного редактора), Ольга ТИМОФЕЕВА (редактор отдела культуры), Олег ХЛЕБНИКОВ (зам главного редактора), Виталий ЯРОШЕВСКИЙ (зам главного редактора, омбудсмен редакции)

Обозреватели и специальные корреспонденты: Юрий БАТУРИН, Борис БРОНШТЕЙН, Борис ВИШНЕВСКИЙ, Ирина ГОРДИЕНКО, Эльвира ГОРЮХИНА, Елена ДЬЯКОВА, Зоя ЕРОШОК, Вячеслав ИЗМАЙЛОВ, Павел КАНЬГИН, Елена КОСТЮЧЕНКО, Юлия ЛАТЫНИНА, Елена МАСЮК, Ирек МУРТАЗИН, Галина МУРСАЛИЕВА, Леонид НИКИТИНСКИЙ, Ирина ПЕТРОВСКАЯ, Алексей ПОЛИКОВСКИЙ, Юлия ПОЛУХИНА, Елена РАЧЕВА, Людмила РЫБИНА, Андрей СУХОТИН, Алексей ТАРАСОВ, Слава ТАРОЩИНА, Марина ТОКАРЕВА, Павел ФЕЛЬГЕНГАУЭР, Диана ХАЧАТРИАН, Вера ЧЕЛИЩЕВА, Наталья ЧЕРНОВА

Ведущие рубрик: Евгений БУНИМОВИЧ, Дмитрий БЫКОВ, Александр ГЕНИС, Павел ГУТИОНТОВ, Юрий РЕВИЧ, Кирилл РОГОВ, Дина РУБИНА, Ким СМИРНОВ, Артемий ТРОИЦКИЙ, Сергей ЮРСКИЙ

Руководители направлений: Лариса МАЛЮКОВА (кино), Владимир МОЗГОВИЙ (спорт), Елена МИЛАШИНА (спецпроекты — «отдел И. Домникова»), Надежда ПРУСЕНКОВА (пресс-служба)

Собственные корреспонденты: Надежда АНДРЕЕВА (Саратов), Георгий БОРОДЯНСКИЙ (Омск), Татьяна БРИЦКАЯ (Мурманск), Мария ЕПИФАНОВА (страны Балтии и Северной Европы), Иван ЖИЛИН (Крым), Сергей ЗОЛОВКИН (Гамбург), Сергей КУРТ-АДЖИЕВ,

Наталья ФОМИНА (Самара), Виктория МАКАРЕНКО (Ростов-на-Дону), Александр МИНЕЕВ (Брюссель), Ольга МУСАФИРОВА (Киев), Александр ПАНОВ (Вашингтон), Нина ПЕТЛЯНОВА (Санкт-Петербург), Юрий САФРОНОВ (Париж), Евгений ТИТОВ (Краснодар), Ирина ХАЛИП (Минск), Александр ЧУРСИН (Балканы)

Группа выпуска: Юрий КОЗЫРЕВ (директор фотослужбы), Анна АРТЕМЬЕВА, Евгений ФЕЛЬДМАН (фотокорреспонденты), Анна ЖАВОРОНKOVA, Алексей КОМАРОВ, Татьяна ПЛОТНИКОВА (билд-редакторы), Оксана МИСИРОВА, Надежда ХРАПОВА, Вероника ЦОЦКО (технические редакторы, дизайн, макет)

WEB-редакция: Сергей ЛИПСКИЙ, Наталья ПОЛОВИНКО, Евгений ШИРЯЕВ

ДИРЕКЦИЯ

Сергей КОЖЕУРОВ (генеральный директор), Владимир ГРИБКОВ (заместитель генерального директора), Светлана БОЧКАЛОВА, Михаил ЗАЙЦЕВ (распространение), Владимир ВАНЯЙКИН (управление делами), Ирина ДРАНKOVA (бухгалтерия), Наталья ЗЫКОВА (персонал), Анжелика ПОЛЯКОВА (реклама), Ярослав КОЖЕУРОВ (юридическая служба), Валерий ШИРЯЕВ (заместитель директора), Сталина УСПЕНСКАЯ (директор по уюту)

РЕДАКЦИЯ НОВОЙ ГАЗЕТЫ В СПБ

Учредитель и издатель: ООО «МЕДИА.С-Пб»

СПб., 11-я линия, 66

Д.Л. КАЧАЛОВА (редактор)

199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66.

ООО «Медиа.С-Пб».

Наша группа ВКонтакте: vk.com/noga_spb, тел. 331-71-82

Подписной индекс:

84804

Газета зарегистрирована Управлением Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Свидетельство о регистрации: ПИ № ТУ 78-01130 от 18 мая 2012 г.

Общий тираж — 222 250 экз.

Тираж сертифицирован

Novayagazeta.Ru — 16 055 147 просмотров за апрель 2016 г.

Тираж одного номера в СПб — 4200 экз.

«Новая газета» зарегистрирована в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Свидетельство ПИ № ФС 77-24833 от 04 июля 2006 г.

Учредитель и издатель: ЗАО «Издательский дом «Новая газета»». Редакция:

АНО «Редакционно-издательский дом «Новая газета»». Адрес: Потаповский пер., д. 3, Москва, 101000.

© ЗАО «ИД «Новая газета», АНО «РИД «Новая газета», 2016 г.

Любое использование материалов, в том числе путем перепечатки, допускается только по согласованию с редакцией. Ответственность за содержание рекламных материалов несет рекламодатель. Рукописи и письма, направленные в Редакцию, не возвращаются. Направление письма в Редакцию является согласием на обработку (в том числе публикацию в газете) персональных данных автора письма, содержащихся в этом письме, если в письме не указано иное.

Заказ №28. Типография ООО «Фирма «КУРЬЕР», СПб, Благодатная ул., 63. Цена свободная. Срок подписания в печать по графику: 19:30, 26.05.2016. Номер подписания: 19:30, 26.05.2016. Время подписания номера в печать в СПб: 23:00, 26.05.2016. Уважаемые читатели! Просим всю корреспонденцию присылать по адресу: 199048, Санкт-Петербург, 11-я линия, 66, ООО «Медиа.С-Пб».